

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».

М. Бакунин.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Смерть Н. Махно. — М. НЕТТЛАУ. Пути и цели в понимании Кропоткина. — М. П. САЖИН. Воспоминания о С. Г. Нечаеве. — П. КРОПОТКИН. Новый Интернационал. — Л. ЛИПОТКИН. Анархизм в России до революции 1917 года. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. О национализме.—Что такое ИАМБ? — Проф. ГЕОРГ НИКОЛАИ. Мое мнение о войне. — ЭНРИКО МАЛАТЕСТА. Синдикализм и анархизм. — М. П. САЖИН. Первая встреча с П. А. Кропоткиным. — МАРК СТЕПНОЙ. На чем держится власть? — МУРОМЕЦ. Стихийность в революции. — Мелкие заметки и сообщения.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 47—49.

ИЮНЬ—АВГУСТ 1934 Г.

СМЕРТЬ Н. И. МАХНО

Из Парижа в Соединенные Штаты прилетела печальная весть: в субботу, 28 июля сего года, в одном из парижских госпиталей, после продолжительной болезни, скончался известный анархист Нестор Иванович Махно, стяжавший себе бессмертную славу в качестве вдохновителя и руководителя украинского повстанческого движения.

Нестор Махно был воплощением бунтарского духа крестьянства, его ненависти к порабощателям и угнетателям, его стремлений к свободе и вольности. Сын безземельного батрака села Гуляй-Поле, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, Нестор Махно с юношеских лет принимал участие в боевом анархическом движении, и на революционном посту, верный своим идеалам, умер в изгнании, оставаясь все тем же бунтарем — бойцом, готовым на борьбу в любой момент по зову трудящихся.

Молодая и недолгая жизнь Махно стокрела в революционном огне. Борьба с самодержавием привела его к долгому годам тюремного заключения. Очутившись на воле после падения самодержавия, Махно с головой ушел в повстанческое движение, которому приходилось отражать атаки своих многочисленных врагов на Украину, превратившейся в театр военных

действий.

На Украине Махно сыграл крупную роль, главным образом, в качестве выдающегося полководца, одержавшего ряд блестящих побед над немцами, белыми и красными генералами.

Как анархист, Махно не стремился к созданию постоянной, прочной военной организации, на которую обыкновенно опирается всякая власть. Его военные операции не могли вестись в более крупном масштабе из-за недостатка вооружения и амуниции, которую приходилось отбивать у врага чуть ли не с пустыми руками, в то время, как его политические противники — большевики и белые не испытывали недостатка во всем этом, ибо у первых были свои собственные амуниционные заводы, а вторых щедро снабжали амуницией французы, англичане и американцы.

В конце концов героическое сопротивление украинских повстанцев было сломлено, и Махно с горстью своих ближайших помощников очутился за-границей. Здесь пришлось вкушать горького хлеба изгнания. И здесь Махно не оставляли в покое: его травили и преследовали его бывшие враги — белые и красные. Приходилось мытарствоваться в румынских, польских, немецких и французских концлагерях.

M. NETTLAU.

ПУТИ И ЦЕЛИ В ПОНИМАНИИ КРОПОТКИНА. (1862-1914)

1. 1862—1876.

Бедствия, жестокости и нелепости, наблюдаемые нами в настоящее время во всех странах, объясняются тем, что кризис, разразившийся над капиталистическим миром и приведший к огромному усилению власти сильного над слабым и к ограблению слабого, застал широкие массы интеллектуально и морально неподготовленными, незнакомыми с учениями и предостережениями лучших людей и самых глубоких передовых мыслителей всех веков. При самых худших из всех возможных условий, массам пришлось решать великий вопрос об отыскании путей от строя, основанного на конкуренции, к строю, основанному на солидарности, от послушания к независимости, от преклонения перед властью к пользованию свободой.

Эта задача встала перед массами в эпоху братоубийства (война), взаимной ненависти (патриотизма), утраты индивидуальности и инициативы (преклонение перед партиями, вождями, рутинной). Не-

рых и тюрьмах, фигурировать в судебных процессах, сфабрикованных агентами всевозможных контр - разведок.

В то-же самое время давали себя чувствовать многочисленные ранения, полученные в боях на Украине. Хроническое недомогание, постоянная нужда и борьба за существование надломил силы неутомимого бунтаря - революционера, и свели его в преждевременную могилу. Путь крестных страданий кончен. В южных больше нет непримиримого барца - революционера, легендарного героя украинского повстанчества. Но его великие дела и подвиги, его идеалы подлинной свободы, равенства и братства, которыми он жил и вдохновлялся, будут служить примером людям, как надо бороться для того, чтобы превратить наш рабский мир в вольное общество, без рабов и господ.

Избежным при таких условиях результатом было то, что действия возбужденных и отчаявшихся масс оказались не только гибельными для них самих, но и вредными для человечества и для прогресса. Знакомые только с авторитарными доктринами, побуждаемые к преклонению перед авторитетом, всеми партиями, включая сюда социалистов и коммунистов, массы видели спасение только в нелепом, безумном, диком усилении власти.

Некоторые делают из этого вывод, что свобода, всегда бывшая идеалом людей и на протяжении по крайней мере 150 лет, казавшаяся достоянием человечества, не угрожаемым никем, кроме разве пещерных жителей, — эта свобода была лишь заблуждением и самообманом и теперь она мертва. Это совершенно не верно. Если бы понадобилось доказательство ценности свободы, то достаточно было бы взглянуть на тот ужасный авторитарный цирк, который разыгрывается вокруг нас, расточительный, жалкий, скучный и бесплодный, чтобы получить убедительное напоминание о той огромной борьбе за свободу, которая предстает мыслящим людям.

Этот шаг назад полностью объясняет, почему либеральные, радикальные, либертарные попытки были до сих пор бессильны увлечь человечество: авторитарные массы прошлого всегда оставались инертными, всегда позволяли вождям организованной власти (государству) и организованной монополии (капитализму) подавлять голоса и действия борцов за свободу. Теперь, в гнев и безумии своем, реакционные массы дали вождям неограниченные права, и получился еще худший результат. Но это уже последние карты власти, последние расходуемые патроны.

Черед свободы придет. Мы, однако, должны и сами быть готовы, деятельны, умелы, должны ясно понимать наши цели

и средства, идеи и тактику.

Будет вполне уместно заняться историческим изучением и новым разбором трудов наших лучших мыслителей. Только грядущие перемены, еще не совершившиеся, могут отправить эти труды в архив истории. Эти перемены, когда они совершаются, часто показывают, что наши усилия разрешить очередные загадки истории иногда приводят к ошибкам, но не следует смущаться этими неудачными попытками.

Анархизм еще не осуществлен, поэтому наиболее плодотворные из предыдущих попыток, предложений и гипотез должны стать известными и помочь в качестве основы дальнейшего прогресса. Такой прогресс крайне необходим. Многие еще до сих пор этого не видят, думая, что мы обладаем уже способностью делать безошибочные предсказания. Даже и эти люди, однако, должны были бы обладать точным знанием того, что уже достигнуто в области теории, но на самом деле этого нет.

Распространение наших идей путем элементарной пропаганды приводит к тому, что труды наших ранних мыслителей недостаточно известны, односторонне понимаются. И хотя это приносит пользу тогда, когда конечные результаты уже достигнуты, тот же самый факт оказывается вредным там, где такие результаты еще не достигнуты и где практического осуществления еще нет.

Такое вознесение незрелых доктрин на пьедестал является несчастьем для всех, — как для верных литературных сторонников таких незрелых доктрин, так и для самих старых мыслителей, которых прищипливают к доктринам, ими же самими, при жизни их понимавшимися, так сказать, как живые организмы: они могут расти до безпредельных возможностей, если только не попадают в руки людей, которые превращают их в раз навсегда неизменные тексты только потому, что истолкователи, завладев ими, истолковали их, как обы-

но, в разных смыслах. Все это мы наблюдали в случае с Марксом, который всю свою жизнь не переставал изучать, хотя грубость его темперамента и заставляла его в резкой форме выражать временные результаты его исследований. При нем находился Энгельс, который заживо канонизировал его и скрывался в его тени. Энгельс был полезен ему: Маркс очень любил лесть в больших дозах. Однако, когда молодые французские «марксисты» стали орудовать его доктринами, то он, по сохранившимся известиям, сказал, что он знает только то, что сам он не «марксист». Он кричал бы об этом с крыш, если бы знал, что сделают из марксизма позднейшие поколения истолкователей.

Мы улыбаемся, читая об этом, но не должны забывать как мы сами допустили, что Прудон предан забвению, и что о нем сохранились воспоминания только в виде нескольких хлестких изречений. Бакунин на протяжении многих лет также был мало известен, до сих пор еще остается непонятым и неверно толкуемым (как, например, в этом году, в некоторых кругах Испании). Даже ближайший наш товарищ, который еще в прошлом году был с нами и лишь несколько месяцев тому назад опущен в могилу — Малатеста — на протяжении многих лет больше был известен со своих слабых сторон, чем со стороны своих подлинных идей и трудов. Все внимание сосредоточивалось на Кропоткине, о котором думали, что он достиг конечных результатов в наиболее важных вопросах анархизма.

Тех, кто сомневался в конечности этих результатов, рассматривали, как людей принявших его труды, недооценивавших значение его личности, тогда как, по моему мнению, наилучшая услуга, какую можно оказать памяти покойного мыслителя, состоит в том, чтобы показать, что он продолжал мыслить, изучать, работать, не собираясь почить на лаврах и не считая свою задачу законченной. Так поступал Кропоткин в течение 60 лет, так

поступал Малатеста в течение 60 лет, так поступали Прудон, Бакунин, Реклю в течение столь-же продолжительного периода времени, кончавшагося только с их смертью. Я советую учиться познавать этих людей путем ознакомления той непрерывной работы, которая оставила много следов, хотя и была широко разбросана и никогда не была полностью изучена. Я не хочу сказать, что каждый должен просмотреть эти материалы, но каждый может предпринять шаги для ознакомления с идеями, которые названные писатели обсуждали и разрабатывали, и пользоваться при этом гораздо более полными источниками, чем те, которыми обычно пользуются.

В этом смысле я хотел бы рассмотреть произведения Кропоткина в порядке их появления, а не так, как это обычно делается, — не в окончательной форме, которую — отчасти под сторонним влиянием, по советам издателей и под литературными влияниями, — они получили во множестве хорошо известных книг. Я попытаюсь обрисовать это здесь, делая возможно меньше исторических ссылок и выписок, так как я привел уже их в других моих работах и в рукописях, слишком обширных, чтобы найти издателей. Таким образом то, что я пишу, не является чем-то, написанным без основания, описательно и неточно, а наоборот, написано с знанием фактов, настолько точным, насколько мне это вообще доступно и насколько я способен изложить их. Только главы и разделы не всегда указаны.

К несчастью, мне все еще остается не известной ранняя переписка между Петром и Александром Кропоткинскими, недавно опубликованная Кропоткинским Музеем. В Сибири, в тот период, который описан Кропоткинским в его опубликованном «Дневнике» и в его «Записках», он с самого начала попал, в Иркутске, в те же самые чиновные правительственные круги Восточной Сибири, в которых Бакунин провел несколько лет, вплоть до своего побега, год тому назад. Если Бакунин стал вы-

дающейся фигурой в этих кругах, несмотря на свое положение политического ссыльного, то он обязан был этим своему родству с генерал-губернатором графом Муравьевым-Амурским, своему революционному престижу и своей яркой личности.

Молодой Кропоткин, человек неизвестный, но принадлежавший к аристократии и имевший военный чин, привлек к себе внимание тех же кругов, тех деспотических, но не предубежденных высших чиновников, которые соединяли в себе — наиболее выдающиеся среди них — правительственную рутину с качествами и целями империалистических колонизаторов, расширивших новую страну, расширять которую еще можно было путем открытий, политических комбинаций и завоевания. Способами достижения этой цели не стеснялись, иногда пускали в ход очень жестокие деспотические приемы и циничную хитрость, для которых, однако, требовались ум, смелость и упорство. Приходилось действовать независимо от далекого центрального правительства, которое награждало за успех, независимо от того, какими средствами он был достигнут, но было не милостиво в случае неудачи.

Кропоткин проникся духом этого независимого управления и, несомненно, познакомился там с непосредственно центральными правительствами, которые не могут быть ничем иным, как препятствиями и ненужностями и которым остается только говорить «аминь» перед лицом совершившихся фактов. Кропоткин вплотную подошел к этим социальным проблемам, когда Корсаков, губернатор Восточной Сибири, послал его, по получении известия о голоде в Уссурийском крае, в спешную командировку за семь тысяч верст с поручением обследовать 23 деревни.

Ему дана была охрана в виде очень небольшого отряда казаков, причем ему предстояло спешное возвращение по местности, покрытой глубоким снегом. В этих местах проживало много недавно сосланных туда поляков, участников польского возстания 1863 г. Те из них, которые

жили вблизи Байкальского озера, взбунтовались в 1866 году. Брат Кропоткина Александр состоял в том казачьем полку, которому поручено было подавить восстание. Он решил присоединиться к полякам. Зная или предвидя это, командир полка освободил его от участия в экспедиции.

Петр Кропоткин написал позднее отчет о суде над этими поляками для одной петербургской либеральной ежедневной газеты. Эти факты показывают, что братья Кропоткины стояли в то время на границе между легальностью и бунтом, и нет сомнения, что Петр, выполняя прекрасные и полезные задачи в интересах правительства, вроде, например, поездки с казаками для обследования китайской территории, занимаясь самостоятельными научными географическими и геологическими исследованиями, вместе с тем проявлял симпатию и оказывал помощь политическим ссыльным и жертвам режима.

Мы легко можем понять, почему Кропоткин всегда любил вспоминать те годы и почему столь многие его взгляды сложились именно в то время, — весьма вероятно, в качестве результата, хотя и ограниченного рамками, но все же живого личного опыта, предопределившего во многом его позднейшую деятельность. В предисловии к «Взаимопомощи» он описал позднее влияние богатых и нетрнутых еще фауны и флоры некоторых отдаленных местностей. Богатство организмов и произведений природы в тех местах произвели на него сильное впечатление и повлияли на его взгляды, на его представления о разнообразии и взаимозависимости явлений природы, и это дало ему преимущество над кабинетными учеными с их ограниченным полем наблюдения над немногими образцами музейных коллекций и склонностью к индивидуалистическим теориям о природе. В то время была устроена первая сибирская выставка. Кропоткин описал ее в статьях, изданных позднее в форме брошюры. По этому случаю он вспоминает о своем разговоре с купцом, кото-

рый возражал против ортодоксальных экономических доктрин тех времен, утверждавших, что некоторые страны предназначены для производства определенных продуктов.

Купец выступал, повидимому, против тогдашней промышленной монополии Англии и стоял за национальную и местную промышленность. Здесь Кропоткин получил первый толчок к своей позднейшей борьбе против промышленной спекуляции и за децентрализацию и локализацию промышленности, т. е. за ее универсализацию и ее сочетание с земледельческой жизнью. Кропоткин несомненно уже успел просмотреть имевшуюся в его распоряжении оппозиционную литературу прежде, чем он покинул Петербург, но его отъезд в Сибирь в середине 1862 года помешал его прямой связи с периодом наиболее интенсивного развития этой литературы как раз в то время. Его брат Александр намеревался даже присоединиться к польским повстанцам партии Мирославского. Однако у таких русских, как братья Кропоткины, симпатии к полякам исчезли, как только они узнали о фактах — или о слухах, которые русское правительство умело, конечно, распространять, — что Наполеон III и британское правительство поддерживали польских повстанцев.

Кропоткин жил в годы конституционных надежд и планов об отмене крепостного права после смерти Николая I. Он очень хорошо понимал, что царь и аристократия не собирались на деле отказаться от своих привилегий, и что народ еще не созрел, чтобы оказывать давление снизу путем революции. Он знаком был с проблемами рабочего класса западно-европейских стран. Его первая критическая статья, напечатанная в конце 1861 года, посвящена была разбору книги о пролетариате в Англии и во Франции. Но первая книга о социализме, с которой он познакомился, был принадлежавший политическому ссыльному Михайлову экземпляр книги Прудона «Система экономических противоречий» (1846). Это не могло

случиться ранее конца 1865 года, так как Михайлов умер 15-го сентября. Социалистическая аргументация Прудона произвела сильное впечатление на Кропоткина. Этот факт показывает, что он не спешил ознакомиться с социализмом. По всей вероятности, живя вместе с братом в Петербурге, начиная с 1867 года, он интересовался, в первую очередь, основными теориями научного прогресса, от дарвинистов до основных сочинений по геологии и до социологических теорий Герберта Спенсера.

Он поражался огромному импульсу, данному науке в 60-х годах, но не соглашался ни с одним из великих западно-европейских ученых, как он их понимал в те годы. Они слишком в большой степени отражали победу буржуазии в их странах.

Исходя из своего сильного социального чувства и из впечатления от сибирской природы, Кропоткин, инстинктивно был на стороне против них. Только в позднейшие годы, живя в Лондоне, он нашел социальный элемент у Дарвина, для него было радостью встретить многие из своих собственных мыслей у Ламарка. Он увидел, что царству его главных противников, Герберта Спенсера и профессора Гексли, наступил конец. Он выработал себе прочие взгляды на ортографию, на происхождение системы гор в Азии и Европе и с наслаждением работал над специальным изучением ледникового периода. В эти четыре или пять лет исследовательской работы в Петербурге, он и его брат были интеллигентными пролетариями, отделившимися от отца и зарабатывавшими на жизнь путем переводов и т. п. Они не вступили в прямые сношения с подпольным революционным движением студентов и передовой интеллигенции. Мне это кажется очень ясным из бесед Кропоткина с Черкезовым. Родившийся в 1846 году, выросший рядом со старшими борцами и живший вместе с ними, Черкезов уже с начала 60-х годов находился в тесной связи с главным течением этого движения, — не в качестве одного из

главных действующих лиц, а в качестве молодого и пользующегося доверием маленького товарища (он жил, например, в Москве вместе с Ишутным, социалистом, вдохновившим своего родственника Каракозова на покушение на царевича в 1866 году). Когда Черкезов говорил о движениях Нечаевского периода (1868—70), то Кропоткин слушал его с большим интересом, замечая при этом, что большая часть всего этого нова для него, и что такие факты объясняют ему вещи, о которых он, как посторонний, предполагал и догадывался, но о которых он толком ничего не знал до того времени.

Это не означало, что Кропоткин держался вдали от общественной жизни, а только то, что он вращался в других сферах, иных, чем круги постоянных участников социально-революционных организаций, пропагандистов и заговорщиков. Мы знаем, что в 1899 году Кропоткин отметил, что когда Тьер приехал в Россию добиваться военной поддержки во время франко-германской войны 1870-71 годов, то... «мы даже подготовили, чтобы оказать давление на Александра II, манифестацию в пользу Тьера...»; «нас усиленно поддерживали все высокопоставленные либералы — включая военного министра Милюткина» и т. д. Повидимому, жестокое подавление Парижской Коммуны было тем фактом, который глубоко возмутил его, а также, может быть, и смерть его отца 7-го сентября 1871 года. В том же направлении влияло близкое соприкосновение его брата и особенно сестры жены его брата (г-жи С. Н. Лавровой, которая была в Париже, во время Коммуны). Все они вместе убеждали и толкали его познакомиться с идеями рабочих социалистов и с их организациями во время трехмесячной поездки с февраля до мая 1872 года, когда он посетил Цюрих, Женеву, Невшаталь, швейцарскую Юру, а если он поехал в Бельгию, то, по всей вероятности, и текстильный район долины Веспр (Вервье).

Ему в то время уже минуло 29 лет,

но он еще не находился под влиянием каких бы то ни было социалистических доктрин или организаций, а оставался независимым наблюдателем русской и международной жизни в течение, приблизительно, 15-ти лет. Он озабочивался с главными достижениями научного прогресса и работал обычно самостоятельно над разными задачами Сибири, над своими специальными геологическими обследованиями и изысканиями. Таким образом, он подошел к социализму Интернационала и к организационной и революционной деятельности континентальных рабочих совершенно независимо. Он не изучал английского тред-юнионистского движения, ибо никогда не сомневался в его высокой полезности. Его ближайшие друзья принадлежали к разным группировкам. Его брат был убежденным социал-демократом умеренного направления, тогда как г-жа Лаврова, находившаяся тогда в Цюрихе, была одной из немногих русских бакунисток того времени и познакомила Кропоткина с М. П. Сажиным (Росс), самым близким русским другом Бакунина в то время.

Кропоткин начал читать германские и французские газеты всех входивших в Интернационал направлений за несколько лет назад. Эти газеты, издававшиеся в Швейцарии, Германии, Австрии, Франции и Бельгии, сообщали, главным образом, о ходе организационной и пропагандистской работы, о забастовках, численной силе и деятельности рабочих. Кропоткин посещал социал-демократические группы в Цюрихе так часто, как только мог, — анти-авторитарных групп там не было, — и хотя он еще раньше был осведомлен Россом о точке зрения Бакунина, все же он проводил целые недели в ознакомлении, под руководством Утина, с политическими группами Женеви, и лишь после того подошел к анти-авторитарным кругам Женеви, Невшателя, Юры и Бельгии. Особенно очаровали его участники движения в Юре. Он даже предполагал поселиться там и жить в качестве часо-

вого мастера и революционного интернационалиста. Однако, Джеймс Гильом, интеллектуальный глава юрцев, стал доказывать ему, что его место в России. Пришлось бы отклониться слишком далеко в сторону, чтобы выяснить здесь, почему Кропоткин не посетил тогда Бакунина, — факт, о котором он в позднейшие годы очень сожалел. Живые современники редко пользуются тем уважением, какого они заслуживают. Он был уже революционным анархистом, когда покинул Швейцарию, — сторонником безвластников в западном Интернационале, — он не считал, что Интернационал и русские эмигранты и эмигранты имеют значение и смогут стать важными факторами в русской революционной работе того времени.

Кропоткин вернулся в Россию в мае, но только к концу 1872 года он присоединился к обширному кружку Чайковского, в котором он принял самое деятельное участие в качестве секретаря - корреспондента. Знакомясь, таким образом, с участниками движения и с идейными течениями, а также с ходом пропаганды во многих местностях. Однако, в качестве революционера и анархиста, он был почти в одиночестве. Он совершенно определенно выразился, что революционеров там было только пять: Клеменс (его ближайший друг), Степняк, Чарушин, Софья Перовская и он сам. К этому можно прибавить, что из всех пяти только Кропоткин был полностью проникнут анархическими идеями.

Степняк, например, с которым он впервые познакомился в конце 1872 года, был очарован «Капиталом» Маркса (в русском переводе), который не произвел никакого впечатления на Кропоткина.

Анархисты в то время были в России, но они образовали совсем иные кружки, главным образом, на юге от Киева до Одессы. Чайковцы были умеренными социалистами, т. е. они признавали социалистическое государство и предпочитали переволлюционные методы. Кропоткин, изложив им свои идеи в 1873 го-

ду, потерпел неудачу, а когда, после арестов в начале 1874 года, он снова принялся убеждать их усвоить более передовые методы, то опять не имел успеха.

После этого он решил перейти в южные группы и предложить им план аграрной революции, а затем, совместно с ними начать работу среди крестьян. Однако, в конце марта 1874 года он был арестован, и у него были найдены бумаги с изложением его личных взглядов. Власти неправильно истолковали эти взгляды, как выражение теорий и тактики всего кружка и представили заметки Кропоткина на большом процессе 193-х.

О последних мы знаем, главным образом, из записок под заглавием «Должны-ли мы исследовать идеал будущего социального порядка»? Однако, нам известен только неполный текст в той редакции, которая воспроизведена в секретном правительственном документе и перепечатана из него в 1921 году. Во всяком случае, если полный текст и был когда-нибудь найден, и если примечания Кропоткина, написанные в 1920 году, и были опубликованы, то я лично о них не слышал. Я не могу рассмотреть здесь этот объемистый документ, но могу сказать, что он представляет собой изложение того учения, которое Кропоткин развивал всю жизнь, за исключением коммунизма.

Он начинает от способов осуществления равенства путем коллективизации (социализации) собственности, т. е. земли и орудий производства, которые должны быть переданы в пользование тем, кто работает ими. Он выдвигает возражения против невыгод, происходящих от естественного неравенства, требует образования для работников умственного и физического труда, независимости общины и отрицания центрального правительства, т. е., в сущности, всего того, что анархисты-коллективисты защищали в Интернационале на протяжении многих лет. Здесь не было защиты коммунистических методов распределения, и даже упоминаются чеки за отработанные часы.

Кропоткин признает, что необходимы многие годы, много отдельных революционных восстаний, чтобы осуществить эти цели. Их нельзя осуществить путем искусственных заговоров нечаевского типа, но революционеры должны содействовать подготовке восстаний, должны соединить во едино недовольные элементы. (Это были чистобакунинские взгляды и тактика). Кропоткин считает индивидуальную пропаганду среди рабочих и крестьян самым важным делом, более важным, чем пропаганда среди студентов и открытая пропаганда на местах. Он настаивает на том, что он называл «фактической» пропагандой, путем поддержки местных организаций (кооперативных союзов) и местных движений протеста и социального бунта. Он считал связь с Интернационалом и с русскими эмигрантами (подразумевая под этим партии сторонников Бакунина и Лаврова) ненужными, так как русское движение должно развиваться в соответствии с местными условиями. Кропоткин, таким образом, предлагал, в сущности, приступить к работе путем прямой пропаганды среди рабочих и крестьян и, как рассказал Чарушин (1924), Кропоткин стремился к созданию боевых аграрных групп, которые своим примером могли бы воздействовать на крестьян и побудить их к вооруженному восстанию. Это, как он сказал мне в 1901 году, он надеялся осуществить с помощью южных групп, отлично зная при этом, что значительное социал-демократическое большинство кружка считало его планы безумием и противодействовало им.

После его бегства из военного госпиталя 12 июля 1876 года, Кропоткин, слишком поглощенный заботами о добывании средств к жизни, чтобы быть активным в Интернационале, действовавшем в Швейцарии, Бельгии, Франции, Испании и Германии, а кроме того, страдая от неудовлетворительного состояния здоровья (что разстроило его планы о возвращении в Россию, где он мог снова попасть в тюрьму), — увидел, что умеренные тенденции начинают преодолевать в тогдашнем

русском движении (1876, 1877). Тем не менее, он, повидимому, поддерживал старые личные связи. Например, в письме от 6-го июня 1877 года он сообщает, что начал писать по просьбе из России, исчерпывающее изложение («Брошюра — книга») теории пропаганды действием. Дальнейших следов этого труда нет. Из дальнейшего хода русской революционной истории с 1877 до 1881 мы знаем, что все развитие шло вопреки надеждам и ожиданиям Кропоткина. В то же самое время это движение получило печать такой преданности, безкорыстия и героизма, что Кропоткин чувствовал, что не ему следовало говорить о теоретических разногласиях. Поэтому в течение многих лет он молчал о своих собственных взглядах

и стал постоянным защитником бунтарей и жертв (заключенных и казненных) в те годы, перед европейским и, главным образом, перед английским общественным мнением. Но нет ни одной строки, насколько мне известно, которая показывала бы, что новая тактика заставила Кропоткина отказаться хотя бы от одного слова из того, что он сказал о тактике народных возстаний, организуемых революционерами, и от предложений, которые он выдвинул в записках 1873 года и которые удивительно сходятся со взглядами Кропоткина на русскую пропаганду, изложенными в его произведениях 1872—73 годов.

М. НЕТТЛАУ.

М. П. САЖИН.

ВОСПОМИНАНИЯ О С. Г. НЕЧАЕВЕ

(1870—1872 гг.).

В мае 1870 года я приехал в Женеву из Америки по вызову Нечаева при посредничестве моего приятеля С. Серебренникова, жившего тогда в Швейцарии и знавшего его еще в России, тогда как я совсем не знал Нечаева, да ничего и не слышал о нем до этого времени, потому что 1869—1870 гг. я жил в Америке, куда бежал из ссылки, а его деятельность как раз и происходила в это время. По приезде в Женеву я не нашел там Нечаева. Он скрывался в горах Сен-Мориса у итальянских революционеров. Швейцарские власти, по настоянию русского правительства, усиленно его разыскивали с целью арестовать и выдать русской полиции, как обвиняемого в уголовном преступлении, именно — в убийстве студента Иванова. Недели за три до моего приезда мой приятель С. Серебренников был арестован по ошибке вместо Нечаева и просидел в тюрьме недели две.

Перед самым моим приездом произошла ликвидация всех связей и сношений между Бакуниным и его друзьями и Не-

чаевым, в результате чего Нечаев остался один с своим приближенным Владимиром Серебренниковым 1), а все остальные эмигранты (Огарев, Озеров, Жуковский, Эльпидий и др.) во главе с Бакуниным отшатнулись от него и прервали с ним всякие сношения. Вся эта история в подробностях стала мне известна гораздо позже, а пока я только догадывался о происшедшем разрыве благодаря тем сведениям, которые имелись у С. Серебренникова.

Нечаев, узнавши о моем приезде, стал торопить С. Серебренникова о свидании с ним. Добраться же до него было трудновато в виду усиленной слежки за всеми русскими, жившими тогда в Женеве, наших отечественных шпионов. Итальянские революционеры — мадзинисты владели прекрасной организацией, имели всюду своих агентов, свои убежища, свою печать, свои

1) Серебренниковых было двое: один Семен Иванович, а другой Владимир, при чем Владимир остался до конца верен Нечаеву, а Семен с ним разошелся.

средства сообщения почти всюду во французской и итальянской Швейцарии. Вот они и укрывали Нечаева, когда швейцарская полиция совокупно с русской разыскивала тогда его. Найти его возможно было только при посредстве их. Однажды вечером пришел к нам итальянец Цамперина (Цампа, как его звали русские эмигранты) и предупредил нас быть на другой день рано утром на пароходной пристани, при чем дал нам пароль, сказав, чтобы мы следовали за теми лицами, которые будут предъявлять нам этот пароль. На поездку на пароходе и на лошадях в фаэтоне мы употребили часов двенадцать. Во время этого пути мы останавливались раза два в гостиницах, где нас обильно кормили и поили. Все это время оба мы находились под покровительством мадзинистов — революционеров. После свидания с Нечаевым мы возвратились обратно тем же способом и путем.

У Нечаева пробыли чуть не полтора суток, большая часть которых ушла на препирательства между им и С. Серебренниковым. Последний предъявил целый ряд обвинений к первому за его недоверие к товарищам по работе, обманы, эксплуатацию их и вообще за «нечаевщину», как потом стали говорить всюду. Приводилось много фактов, на которые Нечаев ничего не отвечал. Мне же пришлось «слушать все это и поучаться».

После ухода С. Серебренникова мы остались одни. Нечаев старался ослабить впечатление от предыдущего разговора, говорил о преувеличении и ложном освещении фактов, уверял, что он относится с товарищами с доверием, что иначе нельзя и работать и что в наших сношениях никакой «нечаевщины» не может быть, что совместная наша работа очень скоро меня убедит в его правдивости. В виду этого, между нами состоялось соглашение попробовать вместе работать. На первое время он предложил мне вести и руководить русскими революционными делами исключительно за границей, где имеется якобы несколько групп в разных го-

родах и главным образом, среди учащейся молодежи. Прежде всего я должен был заняться женевскими делами, с которыми в подробностях меня познакомит В. Серебренников, самый близкий и преданный человек Нечаеву, которому последний немедленно сообщит о наших решениях.

Вся русская эмиграция в Женеве в то время делилась на две группы: одна состояла из приверженцев Бакунина, который жил тогда в итальянской Швейцарии в г. Локарно, — это были Огарев, Жуковский, Озеров, С. С. Эллииди и др., а другая — Утин, Трусов, Бартенева Левашева. Обе эти группы входили в Интернационал. Первая группа входила в секцию «Альянса», а вторая образовала «Славянскую секцию»; эта последняя страшно враждовала с Бакуниным и Нечаевым, которого они в особенности позорили, ругали и клеветали. И вот я узнал от Нечаева, что секретарем этой последней секции и самым близким лицом Утина, главаря секции, состоит не кто иной, как В. Серебренников, самый близкий, интимный товарищ его, как я говорил выше, и которого Нечаев сумел провести во враждебный лагерь и сделать его там, так сказать, чуть не руководителем дела.

На другой же день по моем возвращении в Женеву ко мне пришел В. Серебренников, с которым я впервые тут познакомился. Из его подробного рассказа о «делах» в секции, секретарем которой он состоял, ясно было видно, что его главная обязанность была держать Нечаева в курсе всего, что говорилось и делалось в группе Утина, у которого была своя небольшая типография и печаталась небольшая газета «Народное Дело». Под прикрытием этих же дел В. Серебренников по возможности устранял дела Нечаева. Так, например, он делал поездки по городам Швейцарии и Германии якобы по поручению секции, а на самом деле, он исполнял поручения Нечаева за счет капиталов Утина. Да, наконец, и самые

«дела» то представляли собою такую пустяковину, такую мелочь, что не только делать их, а и смотреть на них тошно. Поэтому я тогда предположил всю эту затею ликвидировать, о чем и сказал В. Серебряникову, а когда увидел Утина, то ему дал понять, что я хорошо знаю деятельность всей его группы; конечно, он был поражен и сильно взволнован.

Пребывание Нечаева в Швейцарии становилось день ото дня все труднее и опаснее, и, наконец, он вынужден был оставить ее и переехать в Лондон, а разрыв с Бакуниным и его друзьями окончательно отрезал его от всей живой революционно настроенной эмиграции. Через Бакунина же у него имелись кое-какие сношения с связи с Интернационалом, но и они порвались. В. С. исчез вместе с ним, а я остался заведывать неизвестно какими заграничными делами; сношения с ними у меня тоже порвались. Вся эта история разыгралась в июне — июле м-це. Так окончилась моя первая попытка работать вместе с Нечаевым.

В Лондоне Нечаев приступил к продолжению издания газеты «Община», первый номер которой был им выпущен еще в бытность его в Женеве, но это продолжение 2) было настолько неудачно, что не только не получило никакого распространения, но самими авторами — издателями полностью уничтожено. С этого же времени он, кажется, остался совершенно оди, потому что его товарищ В. Серебряников исчез, уехал в Россию.

Июль месяц 1870 года был бурным годом в Э. Европе: наступила франко-прусская война, сильно взволновавшая весь политический мир, а затем и весь остальной. Нечаев скоро очутился в Париже и прожил в нем во время его осады немецкими войсками, т. е. до конца января 1871 года. Как только отчасти была снята осада города и восстановилось сношение его с остальным миром, Нечаев тотчас воспользовался этим и вы-

шел пешком из него вместе со многими другими разными лицами. Немецкие военные власти, контролировавшие выход жителей из Парижа, имели от своего начальства предписание немедленно задерживать Бакунина, Нечаева и еще кое-кого из русских эмигрантов, если бы они оказались где-либо в пределах их досягаемости. Нечаев этого не знал, но тем не менее совершенно благополучно прошел через немецкий кордон и спокойно добрался до Швейцарии. В начале марта он был уже в Цюрихе, где я тогда жил, и частенько виделся со мною. На этот раз я имел полную возможность познакомиться с ним гораздо ближе, да и обстановка была более благоприятна для этого. Он много рассказывал, что и как делалось в Париже во время осады, какая борьба велась за власть революционной партией (главным образом, последователями Бланки с ним во главе) с правительством, состоявшем тогда из либералов и очень умеренных республиканцев.

Как-то странно было слышать из уст революционера защиту таких деятелей, как Тьер, Гамбетта, и других такого же типа, а он их не только защищал, но ставил в пример для других. В течение двух недель мы по нескольку часов проводили вместе и постоянно в оживленных разговорах и спорах. Вот тут-то я увидел, что знания Нечаева довольно ограничены и вообще его умственный багаж далеко отставал от его других громадных качеств и достоинств. Он обладал колоссальной энергией, фанатической преданностью революционному делу, стальным характером, неутомимой трудоспособностью и деятельностью. В своей продолжительной жизни я очень много знал разных революционеров, но среди них не встречал ни одного, кто бы обладал этими качествами в такой же степени, как Нечаев. С этой стороны он был чрезвычайно крупным, чрезвычайно выдающимся человеком. Такое мнение о нем у меня сложилось на основании всех тех довольно многочисленных рассказов лиц, имевших с ними непосред-

2) Был выпущен второй номер.

ственные связи и дела, а также и на основании моих личных впечатлений и столкновений с ним.

В то время в Цюрихе был мною организован кружок, к которому принадлежали почти все учащиеся, как мужчины, так и женщины, была библиотека, хотя еще небольшая, но хорошо подобранная в смысле революционной пропаганды и служившая притягательным центром для русских, приезжающих из России; завязывались сношения с Россией; отсюда приезжали люди только за тем, чтобы познакомиться с нами и завязать сношения. Кроме того, у меня были приятели-студенты в Мюнхене и в Вене. Наконец, тогда я уже был в известных отношениях с Михаилом Александровичем Бакуниным, которого все мы звали или «стариком» или Мишель; это последнее имя его употреблялось также среди всех революционеров близких к нему. Нечаев все это очень хорошо знал и учитывал, поэтому он настоятельно предлагал мне соединиться с ним для дальнейшей деятельности. Я же хорошо знал с своей стороны, что он совершенно один и все его связи порваны, что за ним ни за границей, ни в России никого нет. Конечно, он пытался вначале отрицать это, но затем только отмалчивался; его, конечно, я также очень хорошо знал и понимал, что он сам лично представлял собою в некотором отношении огромную силу и в то же время в другом смысле огромную опасность, почему я к его предложению относился очень сдержанно. Прекрасно знал, как отрицательно и недружелюбно относились к его приемам и способам деятельности среди молодежи в России; да и в Цюрихе, если бы стало известно что я сошелся с ним, то мой кредит был бы сильно подорван. Наконец я не знал еще, как к этому отнесется Бакунин, а без всякого сомнения и он и кружок были бы мною осведомлены прежде, чем я окончательно согласился бы на предложение Нечаева. — Революция 18-го марта в Париже прервала наши переговоры; я решил ехать в

Париж, а Нечаев остался здесь.

По возвращении моем из Парижа после подавления Коммуны я опять свиделся с Нечаевым в Цюрихе. Он в то время нашел себе здесь работу писать вывески для магазинов и разных торговых и промышленных заведений. Он был живописец и писал их очень хорошо. Жил он с паспортом серба, и кроме меня никто не знал его настоящей фамилии; квартира его была в предместье города. Он обыкновенно приходил ко мне утром очень рано, идя на работу, а работал он от 6 часов утра до 6 вечера. На этих свиданиях мы уславливались о месте встречи где-нибудь за городом, если у нас предполагались продолжительные разговоры.

Выше я уже упомянул, что всю осаду Парижа прусскими войсками в 1870-1871 г. он прожил в нем, а по выходе оттуда написал и послал в «Неделю», которая издавалась в Петербурге Гайдебуровым, несколько корреспонденций - писем. Так вот по поводу этих писем я по его просьбе вел переписку с Гайдебуровым через студенток. Гайдебуров напечатал, не помню теперь, сколько писем, а затем сообщил мне, что о политической и общественной жизни письма его по цензурным условиям печатать в журнале он не может и просит писать о театрах, концертах и пр. Нечаев не стал писать, отказался. Конечно, Гайдебуров не знал и не подозревал в авторе писем Нечаева.

Этим же летом в Цюрихе появились Смирнов, Эльсниц и Гольштейн — студенты московского университета, которых пригласили к нечаевскому делу. Они были исключены из университета по так называемой Полуниинской истории. Избегая судебного преследования, они решились бежать из России, чтобы докончить свое образование в каком либо заграничном университете и остановились на Цюрихе. Более выдающимся среди них был Смирнов и скоро склонился к политической и революционной деятельности. Я скоро с ним сошелся, он вошел в наш кружок, заинтересовался нашей библиоте-

кой и принял на себя обязанности секретаря.

Нечаев лично никого из них не знал, но теперь с ними познакомился; в это же время он познакомился с Ив. Мих. Пономаревым, студентом - химиком, который впоследствии был профессором и деканом харьковского политехникума. Из этого знакомства Нечаеву не удалось извлечь никаких положительных результатов, так велика была боязнь и отвращение «нечаевщины». Все они отшатнулись от него, да и он сам в это время перестал интересоваться ими, исключая одного И. М. Пономарева, которого он привлек к себе и взял от него подписку в том, что он, Пономарев, обязуется служить и исполнять беспрекословно все распоряжения комитета «Народной Расправы» с угрозой подвергнуться жестокой каре за уклонение. Мы об этом эпизоде никто ничего не знали, и только впоследствии, во время ареста Нечаева, Пономарев рассказал мне это, опасаясь, чтобы этот документ не попал в руки III отделения в Петербурге.

Нечаев, неуклонно и настойчиво преследуя мысль связаться со мною, а через меня с нашим кружком и с Бакуниным для предполагаемой деятельности, снова предложил мне обсудить этот вопрос. Меня самого привлекала мысль связаться с ним, видя в нем огромную революционную силу, но в то же время я думал о том, как бы гарантировать себя и самое дело от убийственных приемов его, от так называемой «нечаевщины». В виду этого, я счел нужным привлечь к нашим переговорам Смирнова, а из женщин рассчитывал привлечь студенток Н. Н. Смедкую и С. Н. Лаврову, однофамилицу П. Л. Лаврова. Обе эти женщины были в нашем кружке и обе они были самыми выдающимися среди всех студенток в Цюрихе по своему уму, образованности, знаниям, энергии, преданности делу. В Цюрихе за все время того периода, т. е. с 1868 г. по 1873 г., они все время стояли впереди всех, а я ведь знал всех живших там. Бакунин тоже их знал и тоже высоко их

ценил, даже П. Л. Лавров высоко их ставил, хотя он и говорил, что они относятся к нему отрицательно. На мои заговаривания с ними о Нечаеве я встретил у них решительный отпор и нежелание иметь с ним дело. Прямо вопрос о связи с Нечаевым я не решался ставить перед ними, но говорил предположительно. Со Смирновым очень скоро договорился: он вполне согласился на мое предложение войти в связь с Нечаевым и в дальнейшем во все время переговоров горячо поддерживал меня.

Нечаев ничего не возражал против Смирнова, и таким образом переговоры наши велись втроем. На втором или третьем свидании мы договорились до того, что я поставил вопрос о том, что я, в виду моих близких отношений с Бакуниным, обязан ему сообщить все то, к чему мы пришли, и в то же время все дальнейшее поставил в зависимость от того, как он отнесется к нашей попытке объединиться. Я написал подробное письмо Бакунину, ответ на которое мог получиться не раньше недели. Отправив письмо, мы приступили к обсуждению предстоящей нашей деятельности. Нечаев выдвинул первым делом издание газеты или листка, конечно, анархического направления. Сейчас же явился вопрос о денежных средствах. У нас не было никаких денег для такого издания. Нечаев заявил нам, что средства имеются и что средства значительные, и их хватит не только на издание, но и на другие потребности дела. При этом он вынул из кармана небольшую тетрадку листа в 3—4 обыкновенной писчей бумаги, озаглавленную «меморандум», передал ее мне, прибавив: «познакомьтесь основательно с нею». Следующее наше собрание отложили на несколько дней в ожидании письма Бакунина и для ознакомления с «меморандумом».

Содержание «меморандума» было так называемый «Бахметьевский фонд», о котором А. И. Герцен рассказывает в своей статье «Общий Фонд» (Собрание сочинений А. И. Герцена Т. III, стр. 473 Изд.

Ф. Павленкова. СПб. 1905 г.) следующее:

«... следует рассказать об этом странном случае, бывшем в 1858 году. Одним утром я получил записку, очень короткую, от какого-то незнакомого русского: он писал мне, что имеет «необходимость видеть меня» и просил назначить время.

Я в это время шел в Лондон, а потому, вместо всякого ответа, зашел сам в Саблоньер—отель и спросил его. Он был дома. Молодой человек с видом кадета, застенчивый, очень невеселый и сособой наружностью, довольно топорно отделанной, седьмых-восьмых сыновей стениных помещиков. Очень неразговорчивый, он почти все время молчал; видно было, что у него что-то на душе, но он не дошел до возможности высказать — что.

Я ушел пригласивши его дня через два-три обедать.

Прежде этого я его встретил на улице.

— Можно с вами идти?—спросил он

— Конечно, не мне с вами опасно, а вам со мной. Но Лондон велик.

— Я не боюсь, и тут вдруг, закусивши удила, он быстро проговорил: — я никогда не возвращусь в Россию, нет, нет, я решительно не возвращусь в Россию...

— Помилуйте, вы так молоды?

— Я Россию люблю, очень люблю, но там люди... там мне не житье. Я хочу завести колонию на совершенно социальных основаниях, это все я обдумал и теперь еду прямо туда.

— То-есть, куда?

— На Маркизские острова.

Я смотрел на него с немим удивлением.

— Да, да, это дело решенное. Я плыву с первым пароходом и потому очень рад, что встретил вас сегодня. Могу я вам сделать нескромный вопрос?

— Сколько хотите..

— Имеете вы выгоду от ваших публикаций?

— Какая же выгода, хорошо, что теперь печать окупается.

— Ну, а если не будет окупаться?

— Буду приплачивать.

— Стало, в вашу пропаганду не входят никакие торговые цели?

Я расхохотался.

— Ну, да как же вы одни будете приплачивать? А пропаганда ваше необходима. Вы меня простите, я не из любопытства спрашиваю: у меня была мысль, оставляя Россию навсегда, сделать что-нибудь полезное для нее, и я решил оставить у вас немного денег. На случай, если вашей типографии нужно или для русской пропаганды вообще, так вы бы и распорядились.

Мне опять пришлось посмотреть на него с удивлением.

— Ни типография, ни пропаганда, ни я в деньгах мы не нуждаемся; напротив, дело идет в гору, зачем же я возьму ваши деньги? Но отказываясь от них, позвольте мне от души поблагодарить за доброе намерение.

— Нет-с, это дело решенное. У меня пятьдесят тысяч франков, тридцать я беру с собой на острова, двадцать отдаю вам на пропаганду.

— Куда же я их дену?

— Ну, не будет нужно, вы отдадите мне, если я возвращусь; а не возвращусь лет через десять, или умру, употребите их на усиление вашей пропаганды. Только,—добавил он, подумавши,—делайте что хотите, но не отдавайте ничего моим наследникам. Вы завтра утром свободны?

— Пожалуй.

— Сводите меня, сделайте одолжение, в банк и к Ротшильду; я ничего не знаю и говорить не умею по-английски, и по-французски очень плохо. Я хочу скорее отделаться от двадцати тысяч и уехать.

— Извольте, я деньги принимаю и вот на каких условиях: я вам даю расписку.

— Никакой расписки мне не нужно.

— Да, но мне нужно дать, я без этого ваших денег не возьму. Слушайте же. Во-первых, в расписке будет сказано, что деньги ваши вверяются не мне одному, а мне и Огареву. Во-вторых, так как вы, может, соскучитесь на Маркизских остро-

вах и у вас явится тоска по родине (он покачал головой) — почему знаешь, чего не знаешь — то писать о цели, с которой вы даёте капитал, не следует, а мы скажем, что деньги эти отдаёте в полное распоряжение мое и Огарева: буде же мы другого распоряжения не сделаем, мы купим для вас на всю сумму каких-нибудь бумаг, гарантированных английским правительством, в 5% или около того. Затем даю вам слово, что без явной крайности для пропаганды мы денег ваших не тронем, вы на них можете считать во всех случаях кроме банкротства в Англии.

— Если хотите непременно делать столько затруднений, делайте их. А завтра едем за деньгами!»

На другой день они оба были в банке, получили деньги и обменялись расписками. Герцен дал ему расписку, а он 3) Герцену в таком роде, что отдаёт в полное распоряжение его и Огарева восемьсот фунтов. После этого на следующий день Герцен проводил его на пароход. «С тех пор, говорит Герцен, о нем не было ни духу, ни слуху... Деньги его я положил в фонды, с твердым намерением не касаться их без крайней нужды типографии или пропаганды».

Итак, у Герцена имелось двадцать тысяч франков. Всю эту сумму Нечаев получил в два приема по десять тысяч: в первый раз от Герцена лично, а во второй раз после смерти его от его наследницы — дочери Натальи Александровны Герцен. Далее, следуя «меморандуму», по словам Нечаева, эти деньги лежали в банке из 5% в продолжении десяти лет и проценты шли не только на капитал, но и на проценты, и таким образом к 1868 году капитал чуть не удвоился. В «меморандуме» приведена составленная Нечаевым таблица, из которой было видно из года в год, как увеличивался капитал, присчитывая проценты к капиталу в конце каждого года, а затем в следующем го-

ду насчитывались проценты на эти проценты и на капитал. Словом, у семьи наследников Герцена таким путем, по мнению Нечаева, находится еще чуть не двадцать тысяч франков и вот эти-то деньги следует получить и употребить их на революционные дела. Но как их получить? Добровольно они не отдадут, в чем Нечаев не сомневался, и поэтому он предположил употребить такое, по его мнению, действительное и простое средство.

В руках Нечаева очутилась частная переписка разных лиц между собою, но не с ним, напр., целый ряд писем Герцена к Огареву или ряд писем в Герцену от разных лиц, как Ив. Сер. Тургенева, Г. Н. Вырубова и других, письма к самому Нечаеву интимного характера от одной особы; затем документы, доказывающие компрометирующее отношение данного лица к комитету «Народной Расправы»; «революционный катехизис Бакунина и его же расписка в получении ста пятидесяти руб. от комитета «Народной Расправы». В «меморандуме» были приведены в отрывках особенно компрометирующие места не только в политическом отношении, но и в общественном и даже в обычном житейском отношении переписывавшихся лиц.

Так вот, Нечаев и предполагал привлечь всех этих лиц помочь получить деньги от семьи Герцена в том случае, если она не согласится отдать их ему добровольно. В случае отказа комо либо принять участие в этом деле, он угрожал напечатать, предать гласности компрометирующие его документы или письма. Семье Герцена должно быть заявлено в первую голову на случай отказа отдать деньги о напечатании всех писем, сильно компрометировавших Александра Ивановича Герцена, а таковых писем было порядочное количество.

Знакомясь с «меморандумом», мы оба удивлялись, не говоря уже о шантажности и гнусности его, о нелепости, непрактичности, наивности и просто глупости... После последнего свидания довольно долго

3) Некто Бахметьев, а фонд стали называть Бахметьевским фондом.

не видался с Нечаевым — он куда-то уезжал — а в это время уже получилось мной письмо Бакунина, и письмо очень большое, на нескольких листах большого формата почтовой бумаги. В письме значае Нечаевым с самой первой встречи с ним, затем о причинах разрыва с ним, делает его убийственную характеристику и в конце концов, признает, что с ним абсолютно невозможна никакая общая деятельность. В заключении письма, обращаясь ко мне, говорит, что «связываясь с Нечаевым, тем самым прерываешь связь со мною, и твоя честность и порядочность революционера обязывают тебя прямо и откровенно написать мне об этом».

Конечно, после «меморандума» и после письма Бакунина мы оба решили единодушно и без всяких колебаний прекратить все дальнейшие разговоры с Нечаевым. При следующем свидании с ним всего читалось письмо Бакунина, читалось не все под ряд, но с пропусками. Мне не хотелось его особенно огорчить и поэтому все черезчур резкие места письма я пропускал. Он все время молчал, молчал и тогда, когда мы откровенно говорили ему о «меморандуме» его. Итак, и на этот раз из наших переговоров не получилось никаких положительных результатов. Мы разошлись. После этого я до осени не видался с ним. Когда в Петербурге начал разбираться так называемый «нечаевский процесс», то он снова явился в Цюрих и был у меня. Процесс сильно его обескуражил, хотя и старался он сохранить хладнокровие и спокойствие, но при разговорах время от времени срывался и иногда негодовал. Это были последние наши личные встречи.

В конце этого года я серьезно заболел и меня увезли на юг Франции в Монпелье, где я прожил семь месяцев и за все это время не знал, что делается в Цюрихе, потому что мне была всякая переписка запрещена; иногда я получал только коротенькие записочки от Бакунина с вопросом о моем здоровье. А когда вернул-

ся в Цюрих, то скоро узнал, что Нечаев в Цюрихе, что он пытался кое с кем сойтись из молодежи, но попытки ограничивались только знакомством и не давали никаких практических результатов. В это же время он познакомился с Е. Н. Южаковой и с поляком Турским, дружившим с русскими. Знакомство его с последним привело его к гибели, потому что Турский свел Нечаева с Стемпковским, то же поляком, жандармом — вешателем во время польского восстания; он-то и выдал его русской полиции.

Прожив в Цюрихе на этот раз с месяц, я опять, благодаря нездоровью, вынужден был уехать во французскую Швейцарию почти на три месяца, а в мое отсутствие прожил в Цюрихе месяца два Бакунин и перезнакомился там со всею учащейся русской колонией.

При нем совершился арест Нечаева, недели за две до которого Бакунин имел сведения из Берна от его личных друзей, что русская полиция нашла на след Нечаева и что она через свое посольство усиленно хлопочет в Берне о его аресте и выдаче. Конечно, Нечаеву это немедленно все было передано, но он отнесся к этому критически, сказав, что бакунисты хотя его выжить из Цюриха и поэтому страшат его. «У меня тоже есть связи в Берне и меня тоже предупредили бы об опасности».

Бакунин вместе с эмигрантами, жившими тогда в Цюрихе, предпринял агитацию против ареста Нечаева, но, к сожалению, рабочее и остальное население города отнеслось пассивно. Федеральное правительство предоставило решить дело местному кантональному цюрихскому правительству, которое постановило выдать Нечаева. Делалось все это очень поспешно: на другой день решения его уже увезли скованного под конвоем местной полиции и русских сыщиков.

Я вернулся в Цюрих за неделю до его выдачи и отправки в Россию и через несколько дней Е. Н. Южакова, которая имела с ним свидание, принесла мне от

Нечасва маленькую записочку, переданную им конспиративно для меня. Содержание записочки приблизительно было таково: «Архив мой находится у мадам Клеман в том городе, из которого я писал Вам тогда-то, возьмите его. Я уверен, что Вы поступите с ним наилучшим образом. Я погиб».

Получивши записку, я тотчас же сообразил, что архив находится в Париже, куда нужно как можно скорее ехать, разыскивать г-жу Клеман, выручить архив и привезти сюда.

Вооружившись американским паспортом, я отправился в Париж, где из адресной книги города узнал, что фамилия Клеман так же распространена, как у нас Иванов, словом, их оказалось не одна сотня, поэтому пришлось привлечь к розыскам несколько человек. П. Л. Лавров взял на себя обойти Батиньоль, где он жил, а я и еще двое студентов поделили между собою левый берег Сены. Первый день обхода не дал никакого положительного результата и только на другой день утром, в одном из переулков около Одеона, я наткнулся на небольшую книжную лавочку с вывескою *Librairie m-me Brissac*. Я вспомнил, что Нечаев мне говорил о своем приятеле *Henri Brissac*, который был командиром одного из батальонов национальной гвардии Бельвилля и который ушел на каторгу после подавления Коммуны. Войдя в лавочку, купив газету, я спросил продавщицу не родня ли она *Генри Бриссак*. Из дальнейшего разговора я узнал, что она его жена, что она хороша знает г. Стефан (под этим именем скрывался Нечаев в Париже) и что он живет у мадам Клеман в этом же переулке, в доме под таким то номером. Узнав все это, я тотчас же отправился по этому адресу, нашел г-жу Клеман, заявил ей, что я брат серба Стефана, который серьезно заболел в Цюрихе и которого нужно увезти на родину. Я же приехал ликвидировать его квартиру, заплатить ей долги и забрать его вещи. Француженка, выразив сожаление и

соболезнование, ввела меня в комнату Нечаева, сказала мне, что я могу хотя бы сейчас забрать все его имущество. Предложив ей с своей стороны написать счет, я тотчас же приступил к осмотру письменного стола, в котором нашел прежде всего очень большой пакет с надписью «меморандум с документами». Заплатив хозяйке по ее счету около трехсот франков и уложивши все бумаги, письма и кое-какие рукописи в небольшой чемодан, я поторопился его унести в квартиру, занимаемую *Ив. М. Пономаревым*, а потом вместе с ним забрали все остальное, т. е. книги, газеты, журналы и уложили все в два мешка, которые привез мне П. Л. Лавров в Цюрих месяца через два.

В тот же день вечером я уехал домой, взяв билет прямого сообщения до Цюриха и сдав в багаж чемодан с бумагами Нечаева, а квитанцию на багаж при переезде границы держал наготове, чтобы ее в случае ареста немедленно уничтожить; но проехал благополучно.

В Цюрихе вместе с своими товарищами Гольштейном, Ралли, Эльсницом разобрали бумаги. Я взял на себя пакет «меморандума», в котором оказались все те бумаги и письма, о которых говорилось в нем. Много было писем *А. И. Герцена*, в одном из которых Герцен писал *Н. П. Огареву* так: «я ставлю черный крест на всей своей прошлой деятельности». Многие письма были наполнены отрицательным критическим отношением его к своей деятельности, были неблагоприятные сообщения о своей домашней жизни... Было несколько писем дочери Герцена к Нечаеву, которые были ей возвращены. В особом пакете находился известный «революционный катехизис», писанный всею рукою Бакунина, и его же расписка в получении ста пятидесяти рублей от «Народной Расправы». Кроме этих двух документов, писанных Бакуниным, ничего не нашлось ему принадлежавшего. Там же оказались три подписки - обязательства Комитету Народной Расправы, данные *Ив. Мих. Пономаревым* и еще двумя лицами,

мне неизвестными. Затем еще несколько писем, как-то: Ив. С. Тургенева, Г. А. Вырубова и других. Все это было тогда же сожжено. Потом при личном свидании с Бакуниным я ему сообщил, что «ка-технзис», писанный его рукою и найденный в бумагах Нечаева, был нами сожжен. Он отнесся к этому совершенно пассивно, не придавая никакого значения и не разговаривая об этом.

Таким образом все содержимое «пакета с меморандумом» и самый «меморандум» было сожжено тогда же; а исключение сделано было единственно только для писем дочери А. Ив. Герцена, Натальи Александровны Герцен. Кроме этого пакета было много писем разных частных лиц семейного или делового характера, не имеющих решительно никакого общественного, политического или революционного значения. Для чего они хранились и как они попали к Нечаеву? Их тоже сожгли. Черновики его корреспонденций в «Неделю» тоже сожгли. Других рукописей никаких не было. Затем оказалось еще около сотни карточек в роде тех, которые употребляются в библиотеках для регистрации книг. На одной стороне карточки были написаны биографические

сведения или шифром или обыкновенным письмом, а на другой — шифром имя отчество и фамилия, а иногда и кличка. Пересматривая и прочитывая биографические сведения, легко было натолкнуться на знакомых лиц и таким путем расшифровать все имена лиц и все зашифрованные места. Оказалось, в конце концов, что это были списки почти всех известных тогдашних русских революционеров. Сожгли все их. Таким образом, весь этот архив был вполне уничтожен, и следовательно можно было быть вполне спокойным, что из него ничего не попадет в руки какой бы то ни было полиции.

Остальную часть архива, т. е. газеты, книги, оставленную мною в Париже у П. Л. Лаврова, получил значительно позже, как сказано выше. Газеты, книги которых было десятка полтора-два, я передал в общую нашу библиотеку. Книги были все французские разнообразного характера и главным образом, исторические, но среди них не было ни одного большого крупного сочинения. Газеты были времени осады Парижа германскими войсками 1870—1871 г.г.

М. П. Сажин.

ПУТЬ К СВОБОДЕ.

Как вешних зорь пурпурные восходы
Влекут к себе влюбленные сердца,
Так ты во тьме сияешь нам, Свобода,
И манишь в даль усталого раба.
Века текут и пролетают годы,
В долине Смерти гибнет ряд времен;
Но вечно юн прекрасный лик Свободы,
В душах людей он вечностью рожден.
Под стук машин, средь душного завода,
Где труд клеймен десницею златой,
Рабочий люд мечтает о Свободе,
Зовет ее: Вселенною Весной.
В темнице узник, каменные своды.
И цель свою в безумии клая,
Горит огнем стремления к Свободе,

С восторгом ждет пришествия ее.
В пылу борьбы и жизненной невзгоды
Забыли люди счастье и покой:
И только Свет, Свет Истинной Свободы
Спасет мир от горести людской.
Сковали льды реки широкой воды,
Мороз тоски убил веселый смех,
А там, вдали, под Знаменем Свободы
Маяк любви и радостных утех.
Придет день; возстанешь ты, Свобода,
И власть сразишь безжалостной рукой...
Свобода—дар всем людям от природы
И мать Любви, великой, мировой.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

НОВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(Перевод с французского)

В настоящее время очень интересуются тем характером, который примет воз-
становленный после войны Интернационал.
В наших рядах обсуждается вопрос, мо-
жем ли мы помочь учреждению нового Интер-
национала, который на самом деле помог
бы рабочим освободиться и который в то
же время мог бы помешать возникновению
новых войн.

Эти вопросы заслуживают всего на-
шего внимания.

Известно, что в настоящее время не-
мецкие социал - демократы, поддерживае-
мые их французскими, итальянскими, гол-
ландскими и другими единомышленниками,
собираются возстановить свой Интернацио-
нал, — существовавший до войны — Ин-
тернационал парламентских социал - де-
мократических партий.

Но ясно, что такой Интернационал,
являясь союзом парламентских социалис-
тических партий, принимающих программу
и немецкой социал - демократии, — не
мог удовлетворить потребности рабочих.
Рабочие стремились установить междуна-
родную рабочую организацию, способную
дать международную же опору их непо-
средственной борьбе с капиталистической
эксплуатацией на почве этой эксплуатации,
то-есть, на заводе в рудниках, в доках и
т. д. В то-же самое время, рабочие,
приготовляли международное соглашение
между обширными организациями одной и
той же отрасли производства с тем, чтобы
создать кадры для будущих вне государств
находящихся социальных союзов.

Потребность в союзах такого рода да-
ла себя чувствовать в течение последних
20-ти лет перед войной до такой степени,
что в различных отраслях промышленно-
сти как, например, среди грузчиков ко-
рпусов, в металлургии и т.д. французские,
английские и бельгийские рабочие все вре-
мя старались с'организоваться междуна-
родно, путем непосредственного професси-

онального соглашения.

Дело идет об устройстве рабочего Ин-
тернационала, при чем вовсе не прихо-
дится интересоваться между - парламент-
ским Интернационалом социальной демок-
ратии.

Помимо сказанного, надо, чтобы этот
Интернационал не ограничивал своей дея-
тельности чисто профессиональными вопро-
сами о заработной плате и о числе рабо-
чих часов.

Надо, чтобы Интернационал напрямик
поставил вопрос об общественном переу-
стройстве. Так как эта цель не была
выставлена как задача всех частичных
битв, то действовавшие в течение послед-
них сорока лет социалистические и тред-
юнионистические организации передали
эту свою главную цель парламентским де-
льцам, которые отложили ее осуществле-
ние на отдаленное будущее.

Естественное ядро рабочего Интерна-
ционала в Европе будет, вероятно, образо-
вано французскими и итальянскими об'е-
динениями рабочих союзов (синдикаль-
ными конфедерациями), английскими, голла-
ндскими, испанскими, скандинавскими, рус-
скими рабочими организациями, к кото-
рым, вероятно, присоединятся когда-либо
немецкие и австрийские организованные
рабочие.

Можно, тем не менее спросить, имеют
ли эти различные организации подходящих
людей для того, чтобы устроить таковой
Интернационал, как тот, о котором мы го-
ворим. Всего несколько лет тому назад
на этот вопрос, надо было ответить сло-
вом — «нет». Но не так давно настро-
ение рабочих организаций стало серьезно
меняться, а жестокие уроки войны способ-
ствовали расширению взглядов рабочих по
вопросу о необходимости перестроить об-
щество на коммунистических началах. Та-
ким образом, среди английских союзов, на
ряду со старыми узкими и себялюбивыми

союзами, были созданы новые союзы, как например, союз грузчиков кораблей, который доблестно работал над организацией международного союза всех рабочих этой отрасли. В союзе же железнодорожных рабочих исчезло во время большой забастовки 1912 года различие между машинистами локомотивов, которые очень важными (между аристократией машинистов) и многочисленными простыми железнодорожными рабочими. Наряду с этим английские союзы в наше время не отступают более перед социалистической или даже коммунистической мыслью (идеей). Переход в общее достояние земли (социализация земли), указываемый в перечне требований этих союзов в течение тридцати лет, получил новый практический смысл с того времени, как война указала нациям на опасность не обрабатывать своей земли и полагаться на то, что нужный хлеб будет ввезен. Переход в общее достояние угольных копей, необходимость которого предвидели со времени войны с бурами, предпринимается сегодня скандальными барышами, которыми в ущерб нации обогащаются собственники копей и посредники при продаже угля.

Переход в общее достояние железных дорог будет признан, как только творческий дух Интернационала сумеет найти раз решение вопроса давно уже поставленного нам английскими железнодорожниками: — «как можно передать в общее достояние железные дороги, не доверяя этого дела государству». Наконец, мысль фуэрристов (социалиста Фуэре и его учеников) о передаче в общее достояние барышей промышленности и о товарищеской организации обмена сделала недавно такой шаг вперед, что английские рабочие более не видят в ней фантастической утопии (то есть не видят в ней чего либо выдуманного, сказочного, несбыточного). С 1793-го года не было слышно о таком требовании. А теперь мы слышим, что о нем говорят, как об очевидно необходимом.

Нельзя, конечно, оставить без внимания те упреки, которые были недавно об-

ращены к рабочим союзам, при чем некоторые из этих упреков это надо признать — были вполне справедливы, но из этого нельзя сделать вывод, что революционеры должны покинуть рабочие союзы. В сущности, скорее надо бы спросить, нет ли нашей собственной вины в том, что буржуазная заботливость только о самом себе имела такой успех, как в объединениях рабочих, — так и в объединениях очень передовых в теории революционеров.

Во всяком случае бесспорно, что в международной рабочей организации, которая начнет серьезную борьбу против капитала и будет стремиться к товарищеской организации производства, обмена и потребления, — такое правило эксплуататоров, как «каждый за себя», найдет среди эксплуатируемых меньше отклика, чем находило до сих пор.

Говорили также, что необходимо пересмотреть наше учение. Но необходимо ли это? Вполне справедливо, что зачастую мы должны были более точно определить наши мысли. Но называть наши идеи несбыточными (утопическими), потому что мы говорим, что надо немедленно передать в общее достояние средства производства и делать этот упрек в настоящее время, когда первое посетившее Европу бедствие уже показало, как мы предвидели, полную необходимость приступить к этой передаче в общее достояние средства производства, — это значит, дать в переживаемое нами историческое время доказательство непростительной робости духа. Как раз наступило время не отказываться от наших советов, называя их несбыточными, а начать следовать им. Созданные жизнью необходимости принуждают народы в интересах всего общества передать в общее достояние производство, обмен и потребление. Только мы то ничего не делаем и оставляем почин правительствам, которые, очевидно, плохо устроят эту передачу в общее достояние. Мы видим также, как английское правительство делает то же, что пытался сделать Конвент (французское законодательное собра-

ние) в 1793—1794 г.г.: оно национализировало некоторые отрасли торговли. Покупая в громадных размерах, это правительство сделалось поставщиком для всей английской нации и в частности (мяса) для французской армии. Оно поставяет большую часть хлеба (куплен весь урожай Австралии за два года), сахар (за год) и мясо, ввозимое из Америки и Австралии. Сделавшись таким образом, оптовым торговцем, английское правительство продает эти товары только тем, кто соглашается продавать их в розницу по цене покупки, с надбавкой определенных процентов (5 процентов для сахара).

Кроме того, оно овладело почти что четырьмя тысячами больших и малых заводов для выделки пушек и военной амуниции и на самом деле, передало нации (национализировало) прибыль, которую могут приносить эти заводы. Оно дает собственникам последних 15 процентов на затраченный на каждое из этих предприятий капитал и остаток берет себе: это первый шаг к нанятому управляющему на заводе, переданном нации. Если обитаемые дома не переданы еще во владение городов, то кто виноват в этом? Не падает ли эта вина в значительной степени на нас самих? Наконец, английское правительство построило рабочий город — «Город Победы» для двадцати тысяч рабочих, изготовляющих амуницию. Очень хорошо приспособленные домики сдаются в наем по своей цене: 42 ресторана, заменившие кабаки, принадлежат в этом городе государству и оно доставляет также населению по своей цене часть с естных припасов. К несчастью, все это — государственный социализм, который, приняв все охватывающие размеры, станет очень опасным. Но нет ли тут ошибки социалистов и анархистов, которые, под-

лопоклонствуя перед так называемыми экономическими законами, не сумели приять на себя почти неизбежной социализации?

Во всяком случае, все позволяет верить, что профессиональные организации рабочих не смогут ограничиться после войны защитой заработной платы и сокращением рабочих часов.

20 или 30 лет тому назад тысячи причин мешали тому, чтобы мысли об общественном переустройстве стали сущностью деятельности рабочих союзов (синдикалистического движения).

Эта цель казалась такой далекой. Но теперь видно, что такое переустройство предписывается самими потребностями момента, тогда как надежда на спокойное благосостояние для примирившихся капиталистов и рабочих, обещанное как результат усовершенствования машин и других средств производства (как следствие технического прогресса) отодвинуту в область несбыточности (утопии).

Так как при всяком деле надо начинать с объединения и прежде всего, надо будет объединиться лицам, желающим всецело отдаться делу общественного переустройства, то не думаете ли вы, что было бы полезно посоветоваться с товарищами, попросив их присоединить к этому изложению те мысли, на которые оно их натолкнуло, и поступить так для того, чтобы впоследствии переделать это изложение в небольшое по величине воззвание? Что касается до степени того участия, которое мы можем принять в рабочем Интернационале, то это будет зависеть от формы, которую примет эта организация и от целей, которые она поставит себе. Не интересоваться всем этим было бы, по моему мнению, тяжелой ошибкой.

П. КРОПОТКИН.

Анархизм в России до революции 1917 года:

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Историческое развитие анархизма в России надо рассматривать с трех сторон: с зарождения идей, развития движения и наличия различных анархических течений.

Как идея, анархизм существовал в России еще в начале 60-х годов, во времена Бакунина и Первого Интернационала. Мировоззрение русских народников-пропагандистов, шедших «в народ» с целью распространения идей свободы и социализма, было в значительной степени проникнуто анархическими идеями и стремлениями. Отрицание власти и вообще государственно-полицейских учреждений; вера в политическую и экономическую свободу; представление будущего социалистического строя, как федерации независимых и свободных артелей; отрицание «программы - минимум»; подготовка политической революции в России непосредственно народом — снизу вверх, — все эти идеи и стремления составляли сущность бакунинской пропаганды левого анархического крыла Интернационала и деятельности многих анархических кружков в России. И само «хождение в народ», как самобытно-анархическое явление, продолжавшееся более пяти лет, было проникнуто анархическими тенденциями.

Другое явление почти однородного характера, это — нигилизм: литературно-умственное течение 60-х годов, отринувшее в корне все старые устои семейной и государственной жизни и стремившееся к свободной жизни. Нигилизм, как характерное порождение русской действительности, выступал во имя защиты свободы личности, во имя свободы индивидуума в борьбе против установившихся предрассудков и традиционных пут общества, семьи, власти и религии. Нигилизм вел борьбу против общества, ибо личность поработана последним. Семья — ярмо для нигилиста, признающего свободный брак и свободную любовь. Власть — худший

враг для человека: она преследует его от колыбели до смерти. Но и религия — зло, от которого надо освободиться: атеизм — вот новая религия нигилизма. Мистически-религиозный анархист также имел место среди различных сектантских групп, хотя он и не пользовался большим влиянием среди народа.

Но в то время, как идеи анархизма в Европе, благодаря существованию свободы слова и печати, продолжали развиваться и находить много новых сторонников, царский режим в России наталкивал пропагандистов-народников на мысль о необходимости уничтожить самодержавие и добиться республики или, по меньшей мере, конституции для народа. Дело экономического освобождения России откладывалось до лучших времен, после того, как страна добьется политических свобод. Это и привело к тому, что дальнейшее развитие анархизма в России было приостановлено на известное время.

Однако, уже в первой половине 90-х годов анархизм опять появился в России, но уже из заграницы. Русская студенческая молодежь того времени была проникнута социалистическими и анархическими идеями, и хотя анархизм имел небольшое число сторонников, все же небольшая, но активная группа анархистов, ознакомившись с европейской анархической литературой, решила приступить к изданию ряда брошюр для России. С этой целью в Швейцарии было выпущено много брошюр и книг Бакунина, Кропоткина, Реклю и других анархических авторов, и в русскую революционную среду стали все больше и больше проникать анархические идеи.

Богатая анархическая литература, первое место в которой принадлежало Кропоткину — одному из лучших выразителей и теоретиков анархизма, — не могла остаться без влияния на русскую учащуюся молодежь заграницей. А в самой Рос-

син, особенно на юге и западе, возникали уже анархические группы, черпавшие свои знания из заграничной анархической литературы.

Студенческие беспорядки, рабочие демонстрации и террористические акты—все это создавало среди анархистов повышенное настроение, полное жизненности и увлечения анархическим идеалом. Для русской революционной молодежи, возвратившейся из-за границы в 1903—5 г.г. для анархической работы в России, анархизм являлся лучшим человеческим идеалом, призванным освободить людей от безвыходных неспей политического и экономического рабства. И было время, когда известная часть этой идеальной молодежи, искавшей новых путей и не находившей их, например, у социал-демократии, переходила к анархистам, хотя этот период движения не продолжался особенно долго.

Роскоше на горизонте революционной борьбы в России появились новые группировки и течения: партия социалистов-революционеров и молодая группа макемаллистов, в ряды которых перешли многие анархисты. Это произошло по двум причинам: во-первых, среди русских рабочих и крестьян было мало убежденных анархистов, хотя и много симпатизирующих анархизму, и в момент появления новых течений, хотя и близких, но не родственных анархизму, анархисты оставили свои ряды и ушли в другой лагерь; и во-вторых, когда анархисты в России выступили с программой практической деятельности, они не могли иметь большого успеха потому, что почва для анархической работы не была еще достаточно взрыхлена и подготовлена.

Помимо этого, надо принять во внимание и самый характер русского анархизма в период революции 1905—6 г.г. Среди русских анархистов этого периода образовались и ярко выступили на арену борьбы два противоположных течения: хлебобольщеское течение, разделявшее учение Бакунина и Кропоткина о народном социализме, который может быть осуществлен исключительно рабочими и крестьянами, и

чернознаменское течение, отрицательно относившееся к профессиональной борьбе рабочих и возлагавшее свои надежды на отдельные протесты и террористические акты анархистов. В вопросах тактики чернознаменцы были сторонниками, так называемого, «безмотивного» террора, т. е. они верили, что всякий капиталист и всякий властитель — чиновник уже виновны тем самым, что они представители государственно — капиталистического строя и, ввиду этого, без особых причин и мотивов, они должны быть убраны с жизненного пути. Хлебобольщеское течение отрицало подобного рода террористическую деятельность, считая ее безумной и непонятной для народа, и признавало только такие террористические акты, которые имели своей причиной известные конкретные преступления капиталистов и чиновников. И в то время, как чернознаменцы, признавая «безмотивный» террор, занимались еще экспроприациями, хлебобольщеские все свое внимание уделяли организации рабочего движения и пропаганде революционных и анархических идей.

Понятно, если бы в России до революции существовала хотя бы относительная политическая свобода, которая давала бы анархизму возможность легального существования и выступления в печати, то можно было бы узнать, какое из этих двух крайних течений является наиболее правильным и логичным с анархической точки зрения. Но в стране господствовали царские сатрапы, душившие всякое свободное проявление мысли. Кроме этого, имевшаяся анархическая литература не отвечала на эти спорные вопросы, и в конечном счете приходилось считаться с бурным настроением тогдашней молодежи. А это настроение было такое, что оно больше всего влекло анархистов к чернознаменцам, как романтическим революционерам, нежели к хлебобольщеским, как наиболее практическим революционным работникам, возлагавшим свои надежды на развитие и укрепление рабочего движения. И печальные результаты всего этого не заставили себя долго ждать: во многих террористиче-

ских актах и экспроприациях погибли лучшие молодые анархические силы, фанатично верившие в правоту своего идеала. Эти силы не оставили по себе никаких заметных следов. Мотивы, побудившие террористов и экспроприаторов совершить те или иные акты, не были понятны широкой рабоче - крестьянской массе, которая сравнивая смелых анархистов не то с грабителями и разбойниками, а не то с мечтателями и утопистами. Преследования же правительственной власти и осуждение многих анархистов на каторгу и ссылку подрывали деятельность анархических групп и приостановили анархическое движение, более или менее развившееся в первый период русской революции 1905 года.

Но анархизм в России не был окончательно придушен. Оставшиеся на воле анархисты продолжали прерванную работу в направлении агитационно - пропагандистском и пользовались влиянием среди рабочих и молодежи. После падения террористически - экспроприаторской волны, деятельность уцелевших анархистов в России сводилась к организации новых групп, распространению литературы, устройству стачек и т. д. Начавшееся новое движение стало понемногу выдвигать и робкими, но твердыми шагами пробираться на путь революционного анархизма.

В то время анархические журналы, печатавшиеся и за границей и в самой России, как «Анархист», «Бунтарь», «Новый Мир», «Рабочий Мир» и другие, не касались больше на своих страницах стихийности русского бунтарства, терроризма и «экзизма», а больше всего обращали свое внимание на укрепление революционного рабочего движения и подготовку новых сил для деда социальной революции и разрушения твердынь капитала и власти.

После поражения революции 1905 го-

да, анархическая литература, в большем или меньшем количестве, в течение целого десятилетия попадала из заграницы в Россию, распространялась среди рабочих и крестьян и среди ссыльных и заключенных. Эта литература не могла не оказывать своего должного воздействия на умы и настроения анархистов, и под ее благотворным влиянием начался медленный процесс оздоровления анархического движения. И хотя это оздоровление несло в себе некоторые свойства и навыки печального прошлого: пустую фразеологию, теоретическую хаотичность, бомбистскую революционность, — все же анархизм в России в начале революции 1917 года был более или менее единым и однородным движением, которое, однако, с дальнейшим развитием революции, и в особенности с приходом большевиков к власти, стало постепенно дезорганизовываться и расплываться на различные мелкие группировки и течения, очень часто враждовавшие между собой по вопросам организации, тактики и вообще практической деятельности анархистов во время революции. И именно таким движением был анархизм в России до большевизмской революции 1917 года.

Л. ЛИПОТКИН.

«ДЕЛО ТРУДА», «ПРОБУЖДЕНИЕ» И АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

В следующем очередном номере «Пробуждения», под таким заголовком будет помещена статья тов. Л. Липоткина.

НОВАЯ БРАШЮРА

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра М. Неттлау «Цели и методы анархизма». Брошюра содержит 48 страниц. Цена 10 центов. Весь доход от продажи брошюры идет в пользу автора.

Заказы просим направлять по адресу «Пробуждение».

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

О НАЦИОНАЛИЗМЕ.

Национализм, который казалось должен был бы потерять свою силу и даже исчезнуть из современных человеческих обществ, вновь ожил и поднял голову. Во всех странах мира национализм крепнет и вновь становится силой доминирующей в широких человеческих массах, вплоть до того, что вся идеология поднявшей голову реакции и современное черносотенство, которое сейчас именуется фашизмом, базируются на национализме.

Современный национализм, или фашизм не являются движениями идеологическими и еще меньше культурно-этическими однородного характера. В каждой стране национализм принимает свой особый характер. А часто даже принимает самые различные окраски и объединяет людей самых различных группировок в одной и той же стране, от социалистов-националистов и республиканцев вплоть до самых ярых приверженцев феодализма, капитализма и монархизма.

Характеризует национализм и фашизм и придает им всем общий характер, присутствующий всем им аморальность и неразборчивость в путях и методах для достижения своих целей, обезличенность человеческой личности и отсутствие всякого уважения к человеческой жизни: сведение человеческого общества на положение стада, управляемого пастухом — диктатором и признание насилия единственным методом для создания общественной гармонии. Грубая физическая сила — основа их активности и воздействия на человеческие массы. Главное же, это — стремление каждой националистической или фашистской партии увеличить свои национальные владения, расширить свои границы и по возможности подчинить себе все остальные страны и народы мира.

Причем, националисты и фашисты каждой страны хотят пожать фашистов других стран. Так, австрийские фашисты ненавидят немцев, а итальянские помо-

гают им в их борьбе с гитлеризмом. А всякий национализм или фашизм ненавидит националистов или фашистов другой страны.

Эти националистические движения, явившиеся следствием разочарования широких масс в российском коммунистическом опыте, и которые теперь охватывают, в одной или другой форме, почти все страны мира, уже не являются движением одних привилегированных и власть имущих, а втянули в себя и широкие трудовые массы, которые устали от обещаний лучшего будущего и хотят уже сейчас пожить за счет эксплуатации части своего народа или трудовых масс других народов.

Принимая участие в социалистических партиях бывших или участвовавших во власти, трудящиеся психологически и морально превратились в таких же империалистов и эксплуататоров, что и имущие классы.

Общественные инстинкты и общечеловеческие интересы находятся сейчас в загоне, и почти отсутствуют в массах. Их заменили желание и жажда жить сегодня, пользоваться благами жизни, окончательно не считаясь как и какими средствами эти личные блага добыты.

Человечество потеряло веру в старые основы общественной жизни и в старую мораль и находится на распутье. Но к великому несчастью своему люди, вместо того, чтобы самим искать новые пути всеобщего благосостояния и свободы, опять временно подпали под влияние своих полудоживших инстинктов насилия и слепой веры в спасителей.

Жизнь на каждом шагу показывает тысячами фактов, что это явление временное и долго продолжаться не сможет, что инстинкты свободы, личного самоуважения и взаимопомощи преобладают в большинстве людей и что поэтому, раньше или позже, поток любви к свободе и стремление к всеобщему благосостоянию сметут со

своего пути все препятствия реакции и фашизма, построенные на насилии и принуждении. Сознание и воля увеличились в людях за последние десятилетия невероятно. И массы уже больше ни за что не смогут быть превращены в стадо безсловесных овец. Народ, народные массы, настолько влияют в жизни, что ни Муссолини, ни Гитлер, ни Пилсудский, ни Долфус уже не осмеливаются говорить только от своего имени, или от имени избранных, или Бога, а прикрываются волей народа, и время от времени, устраивают опросы всех жителей своей страны, когда вопрос идет о чемнибудь важном. Так же не осмеливаются больше обосновывать свою власть на религии или сказках о глубокой и красной крови. А наоборот, кричат во всеуслышание, что труд есть основа жизни, и что народ стоит над нацией и над государством. А диктаторы даже хвастаются своим рабочим происхождением.

Но все таки не должно оставаться безразличными к тому, что происходит и ожидать спокойно, пока этот националистический бред народных масс изживется самими ими. Все, кому дорого дело освобождения труда и создание новой свободной и лучшей жизни, должны вести активную борьбу с этим националистическим построением масс, внедрять в их сознание идею о возможности создания лучшей жизни для всех людей и заменить идеи национализма и патриотизма идеями гуманизма и анархии. Ибо родина человека это — вся земля, а его народ — все человечество!

Социалисты, синдикалисты и часть анархистов исходят из понимания общества как нации или государства, а не как объединения известного количества людей в общежитие. Для нас нация, государство — основные единицы, из которых составляется человечество, и поэтому объединение целого ряда национальных организаций они называют интернационалом. Под влиянием такой проповеди и такой

практики, массы привыкли понимать нацию, как общественную единицу. А национальные объединения, как основу общечеловеческого объединения.

Но в действительности человечество составляется из всех людей, независимо от их культурных, социальных, государственных, национальных или расовых временных объединений. И все подразделения людей по расам, нациям, культурам, государствам, классам, партиям, группировкам разного типа суть явления временные, глубокого значения не имеющие.

К великому сожалению, все рабочие и социалистические движения находятся все время под влиянием государственных и авторитарных идеологий, и большинство этих рабочих организаций и социалистических партий превратились в классовые националистические и патриотические организации. Их интересы были не общечеловеческие интересы, а классово-национальные. И ясно, что прославленная в теории интернациональная солидарность была не больше, как сказка. В действительности они стремились только к усилению своих национальных классовых организаций и превращению их в государство — властвующую силу. Завоевание власти было их главным устремлением. А власть и государство — самые главные препятствия к уничтожению национальных границ, превращению всей земли в отечество всех людей и объединению всего человечества в Универсальный Союз Свободных Общин.

И так оно и будет продолжаться пока будет существовать подразделение человечества на государства. Будут существовать государства, будут существовать и нации и национализмы. А национализм — основа всякой власти. Без национализма власть существовать не сможет и государство неизбежно разложится.

Но социальный прогресс означает уменьшение и уничтожение всех форм и видов вражды между людьми. И поскольку анархизм стремится к уничтожению рабства, эксплуатации и власти человека над

человеком, то естественно, что замена национализма братством всех людей является одной из главных перемен, необходимых для освобождения человечества.

Социальные перемены без справедливости, политические перемены без свободы, национально — культурное освобождение без солидарности между людьми — невозможны. Ибо прогресс ведет к расширению связей, взаимопомощи и солидарности между людьми, к мирному сожительству бок о бок человеческих группировок, как духовно — родственных свободных и добровольных объединений людей, устраивающих и регулирующих свои обоюдные дела и взаимные сношения путем взаимных соглашений на федеративных или ассоциационных началах. Вопросы, которые люди должны будут разрешить, лежат далеко за пределами всякой системы, призывающей человеческую личность к ее свободе. При анархии не будет существовать ни нации, ни отечества, а только люди и человечество и их добровольные и свободные объединения. Язык, культура, местные, национальные или расовые различия ни в коем случае не смогут служить причинами для разделения людей искусственными границами на национальности и государства.

Многие люди смешивают народ и нацию, ибо не могут представить себе народ без смиренной рубашки национализма, так же как не могут себе представить общество без государства. Но в то время, когда народ есть естественное объединение людей на почве известных общих интересов, нация это — искусственное создание, имеющее своей целью не защиту интересов каждого человека, а только привилегированных данной государственной системы. В то время, когда общество часто необходимо, а иногда даже полезно для человека, государство всегда есть зло, а часто даже зло непереносимое.

Народ, это — естественное последствие объединения людей в общественные союзы, собрание людей, связанных общ

ностью происхождения, культуры, языка, обычаев, традиций и т. д. Народ может быть подчинен, поработен другим народом, но никогда нельзя силой уничтожить народ. Наоборот, под чужестранным владычеством народные черты проявляются еще сильнее. Так ирландцы не могли быть поглощены англичанами, итальянцы — австрийцами, каталонцы — испанцами, малороссы — великороссами, поляки — немцами, чехи и югославы — австрийцами, болгары или греки — турками, а евреи другими народами. Часто даже случается, что победители оказываются культурно — побежденными, если культура побежденных выше победителей. Так случилось с монголами в Китае, с варварами в Италии и т. д. Народы и культуры могут безосознательно или добровольно ассимилироваться, слиться от местного контакта и соприкосновения, но никогда уничтожены или подчинены силой.

Нация же — всегда искусственное создание государственной организации, а национализм не что иное, как государственная или политическая идеология самого реакционного и ретроградного характера. Принадлежность к известной национальности — вещь произвольная или случайная. Сегодня русский, завтра — североамериканец; сегодня — англичанин, завтра — канадец или австралиец; сегодня — испанец, завтра — аргентинец; сегодня — китаец, завтра — манчжурец и т. д., в зависимости от того, где живешь и кто владеет тобой. А часто даже случается, что люди просыпаются, не зная какой они национальности. Так проснулись итальянцы Ниццы французами, литовцы Вильны поляками, черногорцы — югославами, немцы Силезии поляками, бессарабы — румынами, китайцы — манчжурами, корейцы — японцами, филиппинцы из испанцев превратились в североамериканцев и т. д. Иногда даже благодаря простой купле-продаже, как, например, случилось с жителями Геллинголандии, превратившимися вдруг из подданных английского короля в немцев.

Нации, как народа вообще, не существует. Так все большие нации Европы и Америки составлены из десятков разных народностей, разнящихся по языку и по своему происхождению и которые насильно объединены в нации и обязаны, в большей или меньшей степени, подчиняться доминирующему народу, — язык, обычаи, культура которого объявляются национальными. Все жители внутри этих национальных границ обязуются говорить на национальном языке, исповедывать государственную — доминирующую религию, чтить национальную культуру и подчиняться национальному правительству. Англичане доминируют над ирландцами, шотландцами, индусами и т. д., поляки над украинцами, русскими, евреями и другими народами; великороссы над украинцами, белоруссами, татарами, киргизами и целым рядом других народностей. Чтобы держать в повиновении все эти разнородные и разнотипные населения каждой нации, необходимы и неизбежны: государственная организация, правительство и власть. Без этого национализм не продержался бы ни одной минуты.

**

Нация без государства — немыслима. А государство это — могила народной культуры. Государство имеет одну цель: расширить свои границы за счет соседних государств и удержать в повиновении народы уже подчиненные. И ясно, что государство не может терпеть свободного правления, духовной активности людей, если оно не находится в полном согласии с его заданиями. Всякая свободная мысль ему не по духу, всякое новшество опасно, всякая критика его или его военных и религиозных институций для него вредна, ибо заставляют думать и мыслить людей, и могут привести к его гибели.

Поэтому всякий национализм сжигает все произведения искусства, науки и литературы на площадях или на задворках, рубит головы, вешает, стреляет всех, кто осмеливаются иметь свое собственное

мнение и практиковать его. Костры, виселицы и тюрьмы опять становятся главными орудиями властвующих; «не разсуждать», их лозунгом. Хозяином жизни людей становится полицейский чиновник, а вся жизнь превращается в одну громадную тюрьму. Таковы и современные националистические и фашистские государства.

Так Ремарк — чистой крови немец, больше немец, чем сам Гитлер, но он критикует войну и военную касту, и его лишают его национальности, а его книги сжигаются на кострах, устраиваемых на площадях городов фашистами: студентами и профессорами.

Рокер — немец, но он анархист, и ему нет места на его родине. А десятки, сотни тысяч немцев, которые осмеливаются мыслить сами, преследуются за то, что не признают Гитлера избранником немецкого Бога, так как и Христос не по душе немецким фашистам за то, что он еврей по происхождению.

Только те, кто мыслят в Италии как Муссолини, в Германии, как Гитлер, в Польше, как Пилсудский и т. д., или делают вид, что согласны с ними, имеют право на принадлежность к итальянской, немецкой, польской или другой национальности, имеют право на жизнь и благосостояние. Все же несогласные — враги отечества и преследуются беспощадно — варварски.

Одним словом, если при анархизме общество будет существовать для удовлетворения нужд всех людей, то при национализме человек существует для удовлетворения потребностей нации и государства.

Анархизм и национализм — непримиримые враги. Пока будет существовать национализм, будет существовать государство и, следовательно, будет невозможен анархизм. При анархизме же будет отсутствовать государство и, следовательно, будет невозможно существование национализма.

То, что человек родился французом,

русским или немцем это — дело простого случая, и никак не может быть ни его виной, ни его заслугой. Еще меньше может это служить поводом, чтобы чувствовать себя гордым или униженным. Так же — дело случая то, что один или другой народ обосновался на том или другом куске земного шара. И все эти случайные или искусственные объединения и группировки людей в нации или государства неизбежно отживут и исчезнут. Человечество же будет существовать пока будет существовать земля.

Анархизм базируется на человеке и человечестве. Поэтому он ведет беспощадную борьбу с национализмом и со всеми подразделениями человечества

группы, касты, классы, государства, нации, раз'единяющие людей и ведущие их к взаимному истреблению и братоубийственной борьбе.

Анархисты же, при помощи свободного и добровольного объединения всех людей в мировой союз свободных общин и ассоциаций, стремятся разрушить все государственные границы и уничтожить всякие расовые, кастовые, классовые и другие подразделения и объединить все народы в одну великую нацию: человечество, а всех людей в одну великую семью, охватывающую всех людей на всем земном шаре.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Буэнос Айрес. 31 марта 1934.

ЧТО ТАКОЕ ИАМБ?

— : —

Международное Анти - милитаристическое Бюро против войны и реакции — Интернационал революционного анти - милитаризма.

ИАМБ неуклонно ведет борьбу не только против «белого», но и «красного» милитаризма.

Потому что милитаризм всегда является системой несносного рабства, когда государство произвольно берет себе право требовать от каждого гражданина готовность умирать и быть убитым.

Цель милитаризма не только вести войны, но сохранять политическую репрессию и экономическую эксплуатацию белого рабочего на «родинах» и цветных рас в колониях и мандатных территориях помощью, если это только нужно, диктатуры и террора... ИАМБ, поэтому, ведет войну против войны и реакции.

Над нашей экономической жизнью теперь доминирует стремление к прибыли. Условием для извлечения прибыли служит контроль над землей (с ее сырьем и продуктами: железом, углем, нефтью, резиной) пристанями, железными дорогами, фабриками, рынками, а также над рабочими (пролетариями, кули), эксплуатация которых — как производителей и потребителей

и служит конечным источником капиталистических прибылей.

Даже в мирное время жестокая и непрерывная война за обладание сырьем и рынком (империализм) ведется между различными угольными и сталелитейными, резиновыми предприятиями, красочными заводами, нефтяными компаниями и между государствами, находящимися под контролем различных империалистических группировок, — война, которая все больше и больше подпадает под контроль огромных банков и от времени до времени завершается империалистическими войнами. Следовательно, современная война — не что иное, как конечный и неизбежный результат существующей социальной системы.

Необходимым условием для прекращения войны, поэтому, может быть только прекращение в самой социальной системе и прекращение эксплуатации рабочих. По этим причинам ИАМБ — анти - милитаристическая организация и революционная.

ИАМБ не верит в парламентские средства, саморазрушение государств, интернациональную юриспруденцию, в мир по праву, уничтожение секретной дипломатии, дружественные соглашения между

государствами, пакты о ненападении, конференции по разоружению, морские договоры, Лиги Наций, пакты Келлога, пан-Европейское движение и т. д., так как все эти попытки не затрагивают сущности нашего общества, и, следовательно, войны. Кроме того, они ожидают, чтобы решение проблемы пришло со стороны государства, которое прежде всего и больше всего само является военной и юридической организацией в большей и меньшей степени национально организованного капитализма для ограждения своих интересов от других групп угрозам или объявлением войн и для поддержания рабства рабочих и цветных рас. (Государство — беспрерывное угнетение внутри и нескончаемая война снаружи).

Хотя ИАМБ и признает за поработленным классом право прибегать к помощи оружия, подобно тому, как это делает поработоритель и не требует от своих членов, чтобы они абсолютно воздерживались от употребления силы, так же, как оно не исключает членов, которые абсолютно отказываются прибегать к насилию (толстовцы), оно придерживается того мнения, что вооруженное восстание и в социальной революции и в борьбе за освобождение колоний ведет за собою большую опасность утверждения нового милитаризма (Россия, Китай), который только порождает порабощение и не выносит свободы личности или народа. Кроме того, развитие военной техники привело к методам войны, применение коих поработленными классами и нациями невозможно с технической точки зрения и неприемлемо все больше и больше с точки зрения моральной.

Отвергая в чисто отрицательном смысле революционное насилие, хотя многие беспрекословно и соглашаются с официальным государственным насилием, мы этого не делаем. Только применением свежей революционной тактики, превосходящей жестокую вооруженную силу в неспособности, мы в состоянии, в конечном счете побороть противника практически и морально.

По этой причине вся революционная тактика должна быть направлена на борьбу с милитаризмом в его основе, подрывая ее и делая ненадежным фундаментом, чтобы им нельзя было пользоваться ни для ведения войн, ни для продления порабощения колоний и ни для нового порабощения тех народов, которые уже однажды испытали с себя иго капитализма.

Рабочие со своими руками и головами имеют это в своей силе, так как не кто иной, как они сами перевозят армии и все то, что необходимо для ведения войны, — они сами составляют и большую часть самих армий.

Поэтому ИАМБ старается усилить в рабочих сознание их решающей экономической мощи, проведет генеральную забастовку и массовый отказ от несения военной службы, немедленное прекращение производства военных снаряжений и припасов и деморализацию армий и флота. Она преклоняется перед убежденным отказом сражаться и производить военные припасы, как рабочими, так и интеллигенцией, как перед моральным средством самовоспитания человечества в целях массового применения этого принципа борьбы.

Только пользуясь этими средствами борьбы в социальной революции, рабочий класс будет в состоянии заложить фундамент нового общества, в условиях которого милитаризм будет подавлен и станет ненужным.

Вследствие этого ИАМБ формулировал следующую

ДЕКЛАРАЦИЮ ПРИНЦИПОВ:

Международное бюро против милитаризма и реакции, состоящее из революционных анти-милитаристических организаций, имеет своей целью борьбу против милитаризма в интернациональном масштабе с тем, чтобы стали невозможны войны и порабощение рабочего класса.

Оно старается укрепить в рабочих сознание их решающей экономической мощи.

Оно проведет генеральную забастовку и массовый отказ от военной службы в целях предотвращения войн. Оно

проведет немедленное прекращение всех производств военного характера.

Оно содействует внутреннему разложению армий и флота, и преклоняется перед убежденными противниками войны. Оно противостоит всем попыткам поработить еще раз посредством интервенции пролетариат, который уже однажды сбросил с себя капиталистическое иго. Оно противится всякому порабощению со стороны милитаризма и экономической эксплуатации цветных рас, пытаясь добиться наибольшей степени единства между революционным пролетариатом севера, юга, запада и востока.

ИСТОРИЯ:

Интернациональный социалистический конгресс в Брюсселе в 1868 году понял прекрасно, что на рабочем классе лежит задача предотвращать войны посредством прямого действия и при применении революционных методов. Он согласился на предложение Лонга и Де Пал, что начало войны должно быть встречено забастовками, отказом от военной службы и социальной революцией. Но предложения Домела Ньюенгайса на социалистическом конгрессе в Брюсселе в 1891 году относительно предотвращения войн забастовками и в Цюрихе в 1893 году — забастовками и отказом от военной службы были отклонены: необходимо было получить одобрение парламента.

В 1894 году Домела Ньюенгайс при участии своих друзей — тоже из-за границы, созвал первый революционный анти-милитаристический конгресс в Амстердаме, на котором, кроме других были представлены 116.000 английских углекопов и 100.000 организованных испанских рабочих. В 1907 году в Амстердаме же был созван второй конгресс, на котором Эмма Гольдман, Энрико Малатеста, Домела Ньюенгайс, Лиги Фабри, Марманде и Пьер Рамус тоже приняли участие.

Что же касается Интернационального анти-милитаристического союза, основанного в 1904 году, то от него осталась в

живых только одна датская секция. Когда разразилась война в 1914 году, анти-милитаристы не имели единой международной организации в то время, как социалисты — парламентаристы всюду стали на защиту своих правительств. Даже некоторые секции анархистов (Кропоткин) и синдикалистов (Корнелиссен) присоединились к той или другой группе враждовавших между собой империалистов. Начиная с 1917 года союз, находясь в Голландии, пытался установить между-народную связь. В 1920 году в Гааге была созвана интернациональная конференция, которая должна была проложить дорогу для Третьего Интернационального Анти-Милитаристического Конгресса, созываемого в городе на 1921 год. На этом конгрессе и было положено основание ИАМБ, цель которого объединить в единую интернациональную федерацию все организации рабочих, женщин, молодежи, анти-милитаристов и анархистов, согласных с программой работ организации.

В 1923 году состоялась конференция в Берлине, где ИАМБ категорически высказался против принудительной военной службы, проводимой в то время в России, подтвердив еще раз свою позицию в том, что ограждение неприкосновенности России является делом рабочих западно-европейских стран при помощи забастовок и массовых отказов от военной службы.

В то время как различные организации и лица входили в ряды союза, революционные синдикалисты покинули его ряды, основав свою собственную Интернациональную Ассоциацию Рабочих (Интернационал Синдикалистов в Берлине). На международной конференции ИАМБ в Берлине в 1926 году было решено, что обе организации должны тесно кооперировать между собой, для коей цели была избрана паритетная комиссия (НАС).

ЧТО СДЕЛАЛ ИАМБ?

Начиная с 1921 года ИАМБ вел активную пропаганду за принципы, изло-

женные в этой декларации. Оно поддерживало постоянный контакт по почте с 35 странами во всех частях света, а его статьи и доклады регулярно печатаются в 140 газетах на различных языках и в различных странах. Оно опубликовало манифесты в связи с французским империализмом в Германии, с Вашингтонской конференцией, в связи с угрозой новой мировой войны, по случаю греко-турецкого конфликта, в связи с капиталистической интервенцией в Россию, с оккупацией Рур, итальянским и интернациональным фашизмом, в связи с репрессиями в сов. России, с реакцией в Америке, Испании, Франции и на Балканах, в связи с итало-греческим конфликтом на острове Корфе, с истреблением туземцев в Индо-Китае, преследованием убежденных противников войны в Югославии, с македонскими повстанцами, современными учителями в Португалии и повстанцами за Индо-Китай в Голландии, в связи с угрозой выдачи Армандо Бори в руки фашизма, с русскими предложениями по разоружению в Женеве, пактом Келлога, интернациональной конференцией красного креста, секретным военным франко-бельгийским договором, в связи с арестом Ганди и репрессиями в Индии, морской конференцией в Лондоне, событиями в Индо-Китае и военной диктатурой в Аргентине, в связи с угрозой войны на Дальнем Востоке, по поводу большевистского конгресса против империалистических войн в Амстердаме в 1932 году, по поводу конференции по разоружению, по поводу опасности войны (Люди, обдумайте пока это не поздно — март 1933 г.), победы национального социализма в Германии, а также в пользу устройства антивоенных демонстраций во всех странах каждого 1-го августа.

Бюро приняло на себя инициативу и поддерживало И.Р.М. в Калифорнии и других местах, рабочих в Испании и Венгрии, французских голодающих в тюрьме, датских, голландских, русских, финских, швейцарских, бельгийских, чешских, болгарских, литовских, шведских, француз-

ских, польских и норвежских противников войны, румынских революционеров, политических заключенных во Франции и Фландрии, русских революционеров в лагерях и тюрьмах, белый и черный пролетариат в Южной Африке. Бюро боролось против преследований анти-милитаристов в Португалии, Румынии, Греции, Англии и других странах, против мучимых революционеров в Юго-Славии, против жертв Центральной трагедии (в Соед. Штатах), против террора на Кубе, против террора над матросами в Черном море, над Сынами Свободы в Канаде и французскими противниками войны в Сейен, политическими заключенными и ссыльными в Венецуэле при диктатуре Коменца, против террора в польской части Украины, в Британской Индии, на Бирме, в Китае, Юго-Славии, против фашистского террора и жертв в Италии, против депортации и заключений в тюрьмы анархо-синдикалистов в Испании, против преследований юношей негров в Скоттсборо, шахтеров в Кентукки, против терроризма в Индо-Китае (в мае 1933 года).

ИАМБ принял участие в процессе Сакко и Ванзетти (даже в 1922 году, но в то время никто не хотел об этом слышать), Дебса, Форт и Консепшион, Болдрини и Геззи, Коттин, Марти и Бадина, Том Муни и Биллингс, Джим Моранд, Меррик, Герман Гринендиле, Франц Юнг, Форт и Сур, Оптон Сиклер, Бадаракко и Курт Викене, Пестанья, Бежательера, Николау и Матье, Махно, Лоу, Джермэйн Бертон, Гастон Роланд, Делекурт, Лекуань, Гоше Моран, Эрик Мизам, Осуги Дзюан, Богиста Ашер, Эрнст Толлер, Джекоб Браун, Рубинчик, Коган, Ахтырский, Тос и Садро Педро Валлина, Фриц Ротшер, Радовицкий, Люис П. Вналь, Делла Маджнора, Францеско Геззи, Понс и Бланко, Поличук, Тодоров, Тауно Тапаненен, Езас Петрулис, Бестужев, Р. Пачеко, Дж. Монтероз, Дж. Ареа, Ф. Гэйозо, Северин ди Джованни, Полино Сирфе, Дзюан С. Франс, Горалд Андерсон, Пр. Питтер, Армандо Борги, С. Дж. Жоржлунд, Дж. Бере-

нгер, Фенг Кенг, Селдин, Яров, Старче-ке Кагамс, Р. Сименс, Вильям Гайтовер, В. Джонс, Вильям Борнет, Элен Филиппс, Д. Рейнольдс, Пл. Росевич, Д. Минко, Д. Руткович, Джо Стокман, Джо Герц, Г. ван Волсум, Де Лихтервальде, Лоде ван Джек, Морита ван дер Брек, г-жа Фергусон, Снайпс, Герард Лоретур, Саллэ и Фюрст, Бауду, Чарлс Лонни, Гойт, Джак Марти, Волтер Пфетайгер, Летевен, Роель Дрент, Рос, Джул Рихтер, Пиет Куйман, Барт Гаан, Ф. Роест, г. Сивилит, Г. Дэй, Ли Кампион, Де Гопере, Де Вламинек, Виллен де Рувен, Атос Терзани, Гендрик Дэлэйр, Франс Райд, Джарис Кеннис, Гендрик Вербеллэ, Арманд Ролланд, Джин Инберт, Филипп Верньер, Юджин Лагот, Генри Ферджасе, М. Рувис, А. Барон и многие другие.

ИАМБ выступал в защиту своей точки зрения на мировых конгрессах (в Гааге в 1922 году) против колониальных репрессий, (в Брюсселе, 1927 и во Франкфурте на Майне, 1929 г.) на конгрессах ИММА, (Льеж, 1928 и Мадрид 1931) на конгрессах МРИ, (Годдесдон, 1925, Зонтагсберг, 1928 и Лион 1931 на международном конгрессе духовенства (Гаага, 1929), противопозовая конференция (Франкфурт на Майне, 1920), на примирительной конференции (Антверпен, 1929), на пан - Американском конгрессе синдикалистов (Буэнос-Айрес, 1929), на конгрессе противников войны (Гаага, 1929), на конгрессе германских синдикалистов (Берлин, 1930), на конгрессе Женской интернациональной Лиги за мир и свободу (Гренобль, 1932), на конгрессе эсперантистов (в Лондоне в 1930 г. и в Штутгарте, в 1932). - Принаципы ИАМБ излагались на различных общественных митингах в Бельгии, Испании и Франции, Германии, Австрии, Швейцарии и Голландии. ИАМБ ведет регулярную переписку с МРИ, с Международным Комитетом Политических Заключенных, с комитетом по защите Муни, с Американским Юнионом Гражданских свобод и Фондом по оказанию помощи для арестованных

и ссыльных революционеров в сов. России. Следующие являются нашими изданиями на французском, немецком, английском, испанском, датском, шведском, китайском, финском или эсперантском языках: доклады конгрессов и конференций, сообщения ИАМБ, резолюции, врученные и доклады сделанные ИАМБ делегацией на мировом конгрессе за мир. Гаага, 1922 (по-французски), Война войне. ИАМБ (по-английски). Этот памфлет имеется сейчас на датском, французском, немецком, английском, шведском, испанском, финском, китайском, итальянском и эсперанто.

ЧТО ТЕПЕРЬ ДЕЛАЕТ ИАМБ?

ИАМБ неутомимо работает все время, поскольку ему это позволяют очень скромные — подчас даже совсем скромные — средства в том же выше указанном направлении.

Со времени 1927 года ИАС от имени ИМРА публиковала ежемесячно газетный бюллетень на французском, английском, немецком и датском языках в то время, как некоторые из выпусков печатались на испанском, норвежском и языке эсперанто.

Этот газетный бюллетень, на издании которого заняты наши друзья, работающие бесплатно, в настоящее время рассылается около 150 газетам, обществам и по другим адресам по всему миру. В 150 номерах до сих пор появившихся было напечатано более 500 статей по вопросам упомянутым на страницах 4 и 5 и о движении сознательного уклонения от войны в Голландии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Юго-Славии, Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании, Чехо-Словакии, Болгарии, Литве, Польше и России, анти - милитаризме в тех же странах и в Германии, Англии, Австрии, Америке, Италии, об условиях в различных колониях, как то: в Индо-Китае, Индонезии и Индии, опасности войны в Китае, о законе Бонкура, морской конференции, Лиги Наций, пакте Келлога, франко - бельгийском военном

договоре, о судьбе духоборов, военной промышленности («Кровавый Интернационал»), «гаймверен», в Австрии, преследования «Литбергтайр», международном расширении вооружений, современной военной технике, приготовлении Польши к войне с Россией, милитаризации Китая, захвате Японией Манчжурии, французских капшталях на вооружение и французском правительстве, милитаризации России, конфликте между Китаем и Японией, отказе французских и польских грузчиков грузить аммуницию, о конференции по разоружению в 1932 г. Кроме того, в бюллетене имело место обстоятельное обсуждение путей и методов в борьбе за социальную революцию.

Дается также более или менее регулярное резюме военных приготовлений, кровавых стычек между рабочими и солдатами по всему миру. Поскольку мы могли убедиться из присланных нам газет, эти статьи были напечатаны в более чем 3,000 газет в 26 странах, на испанском, датском, французском, немецком, английском, эсперанто, китайском, японском, польском, румынском, финском, португальском, венгерском, болгарском, индонезийском, русском, шведском, итальянском и норвежском языках. В действительности, конечно, они публиковались чаще.

ЧЕГО ЖЕ ПРОСИТ ИАМБ?

ИАМБ просит энергичной интернациональной кооперации со стороны всех тех, кто симпатизирует с целями и задачами его. Он просит моральной и финансовой поддержки всех товарищей. Вы можете помочь ИАМБ:

А) следя за тем, чтобы бюллетени бюро перепечатывались в возможно большем числе газет,

Б) посылкой нам адресов газет, которые согласились бы перепечатывать статьи из бюллетеня,

В) обменом с нами газетами, предпочтительно в 2-х экземплярах,

Г) присылкой к нам коротких заметок с фактическими данными относительно со-

бытий в вашей стране, относящихся к репрессиям - реакции, террору, приготовлениям к войне, милитаризму и анти-милитаризму.

Д) подписываясь на наш газетный бюллетень (нормальная подписка 2 долл. в год), желаемый к высылке бесплатно в обмен на два экземпляра газет,

Е) присылкой нам книг и памфлетов для критических заметок,

Ж) при согласии с нашими принципами, записываясь в члены ИАМБ, размер же ежегодного взноса определяется вами самими. При взносе минимальных 2 долл. вы будете бесплатно получать наш газетный бюллетень на желаемом вами языке.

З) привлечением членов в ИАМБ,

И) оглашением принципов ИАМБ на митингах и в прессе,

К) сбором денег для ИАМБ на митингах,

Л) привлечением к вступлению в ИАМБ целых организаций при уплате 5 шиллингов или 1 долл. с члена в год, или по особому соглашению.

ИАМБ ведет тяжелую борьбу. Созданное почти что исключительно из рабочих, которые очень часто сами подвергаются преследованиям, оно должно очень часто преодолевать и финансовые неурядицы. Работа для ИАС и для ИАМБ выполняется в большей своей части бесплатно нашими друзьями. Только часть — недостаточная часть — технической работы может быть оплачена. В интересах самой деятельности эта оплата труда должна быть расширена.

Весь бюджет ИАМБ и ИАС вместе составляет только несколько сот фунтов стерлингов в год.

Помогите немедленно исправить такое положение. Насколько больше, настолько лучше и, особенно, насколько более систематично были бы в состоянии вести работу, если бы мы имели больше денег в нашем распоряжении. Поэтому, помогите нам продолжать работу ИАМБ и углубить ее.

Время серьезное. Наша работа боль-

Проф. ГЕОРГ НИКОЛАИ.

МОЕ МНЕНИЕ О ВОЙНЕ.

Шестнадцать лет тому назад, когда я писал мою «Биологию войны», я был оптимистом в отношении человеческой интеллигентности. Не слишком, потому что как раз в то время люди доказали свою глупость тем, что не хотели понять, что в войне, которую они начали с таким энтузиазмом, никто ничего не выиграл, а как раз наоборот, что все потеряли; и что Европа и с нею весь мир, за исключением, может быть, монголов и чернокожим, кончат революцией и нищетой.

Ясно, что оно так и должно было случиться, как это я предвидел. Всякий, даже малоинтеллигентный человек мог это предвидеть: в эпоху когда сцепление мировых интересов так сложно и переплетено, как в XX столетии, мировая война не может дать других результатов, как эти, чтобы весь мир потерял.

С некоторым удивлением я видел, как никто будто не давал себе отчета об этой простой правде. Но я был уверен, что, по крайней мере, после того, как они раз видели результаты неизбежные своей малой предусмотрительности, они дадут себе

ше необходима, чем когда либо раньше.

Вставайте для предотвращения войны.

Вставайте на освобождение наших мучимых друзей.

Вставайте на защиту прав наших поработанных цветных рас.

Вставайте для освобождения рабочего класса.

За всеми справками обращайтесь:

Secretary IAMB. Albert De Jong.

Haarlem (Holland)

Telephone number 26827.

Все пожертвования направляйте по адресу:

Treasurer IAMB. L. J. Bot Jr.,

Van Hoytemastraat 94,

the Hague (Holland).

Postal account № 40594.

отче об этом. И оттуда моя надежда, что эта война, самая большая из всех зарегистрированных историй, будет последней.

Восьмимесячный ребенок, то есть, существо с интеллигентностью меньшей чем у собаки, если он раз обжегся, избегает потом огня. Мой оптимизм необоснованный базировался на том, что я верил, что массовый человек достиг, по крайней мере, этой степени интеллигентности, и что наученные неоспоримым опытом, научатся чему нибудь.

Но как я был глуп! Я постыдно переоценил людей, которые даже не имели интеллигентности восьмимесячного ребенка.

Действительность оказалась хуже того, чем ее можно было себе представить. С начала войны, мир катится вниз: уже нет ни денег, ни работы, нет ни культуры, ни удовольствий, уже нет ничего. Все это видят, все знают, что это — последствие непримиримости мира, и все все-таки хотят и приготавливаются к войне.

Спросите любого южноамериканца и за очень редким исключением он вам ответит, что Европа себя разорит окончательно в будущей войне. А спросите любого европейца и, я думаю, что все без исключения вам ответят, что эти безпрерывные южноамериканские войны и революции — глупы и мешают, чтобы этот континент достиг мирового положения, которого он заслуживает.

Южноамериканцы верят в Пан-Европу, а европейцы в латино-американские Соединенные Штаты. На расстоянии, все признают правду: но вблизи, никто не хочет приложить ее на практике. Шангажист хорошо знает, что его деятельность, если она генерализируется, разрушит мир, но он все таки надеется, что в данном частном случае, он все таки сможет заработать себе пару пез. А так как шангажист знает, что своими безчестными ме-

тодами он выиграет больше, если мир его будет считать честным человеком, то нью-йоркский контрабандист даст 100 тысяч долларов на церковь, а в Европе играют в Лигу Наций и в конгрессы по разоружению, а «нейтральные» страны Южной Америки заявляют, что не признают никаких военных завоеваний так же, как Европа заявила, что не признает завоеваний Японии.

Но, в это же самое время, все отливает пушки и изобретают ядовитые газы. Германия, которая не может платить своих долгов, заявляет, что в будущем будет расходовать тысячи миллионов больше на вооружение для реваншной войны, а Боливия и Парагвай уже воюют.

Похоже на то, что люди не научились ничему за время прошедшее с 1914 года и, следовательно, они менее интеллигентны, чем восьмимесячный ребенок, т. е. чем существо с интеллигентностью меньшей, чем у собаки.

А проповедывать среди собак безмысленно: собаки будут лаять и кусать друг друга всегда, с той только, к счастью для их расы, разницей, что собаки не имеют пушек, чтобы окончательно уничтожить себя взаимно.

Война это — только средство, и нет смысла бороться против средства, потому что цели смогут быть также достигнуты и другими средствами. В действительности же ведь все равно убить ли тысячу человек на поле сражения, или при помощи удачной биржевой игры, добиться того, чтобы, вследствие безработицы, тысячу человек уморить голодом, или, чтобы родилось на тысячу человек меньше.

Нужно уничтожить причины, делающие неизбежными войну, а эти причины лежат во взаимной конкуренции между нациями.

Пока люди думают, что могут выражать естественную любовь к своей стране и к своему языку другим образом, как уважением культуры.

Пока они думают, что имеются расы низшие и расы высшие; пока они сог-

ласятся принять спокойно культуру объективно высшую, но которую они субъективно не хотят; пока они думают, что в войне побеждает более способный и пока вообще, человеческие группы, которые называются нациями, не научатся подчиняться человечеству в целом, подчинение, которое мы уже давно считаем морально обязательным для личности, будут войны.

Но когда патриотизм, чувство только частичной солидарности, будет признано, как простое преступление; когда мы будем понимать, что имеется только одна человеческая раса, различная в своих группах, но больше по разнице в способностях и благодаря разному воспитанию.

Когда ценность культуры дойдет до такого пункта, когда все мы сможем наслаждаться ею без всяких ограничений, хотя бы эта культура и создавалась группами; когда мы научимся по истории, что в войне народы культурные всегда побеждали народами некультурными; когда мы постигнем, что культура не может развиваться иначе, как только борьбой культур (а не борьбой армий) и что когда мы хотим улучшить естественный подбор, то мы этого и не сможем сделать на поле брани, а только по методам рациональной евгеники (науки об улучшении рода); когда мы проникнемся сознанием, что нет никакой разницы между моралью личной и национальной, тогда война будет невозможной.

Тогда и только тогда, война исчезнет сама по себе, потому что тогда человечество будет себя чувствовать так же неразрушимым, как это чувствуют теперь нации.

Но пока существуют нации, которые считают себя независимыми государствами, будут войны, должны будут быть, ибо так как нет судьи, который мог бы судить независимое государство, оно обязано защищать само свои права, а без высшего трибунала, которому оно бы передало свою независимость, оно не может этого сделать иным путем, как только войной.

Войны и национализмы могут исчезнуть только одновременно, пацифизм же есть только частичный вопрос человеческого развития по пути его культурного единения.

Боливияно - парагвайский случай это указывает.... Самая важная причина по чему это не сможем закончиться юридической тяжбой, как при конфликтах между личностями, а военным конфликтом, заключается в том, что никто не может обязать независимое государство подчиниться судебному процессу. Если оно подчинится, то ясно, что оно уже не независимое.

Помимо этого тут есть еще нечто другое. При современных условиях никто не сможет сказать кто прав. Боливия хочет выход к морю: это желание вполне справедливое. Но Парагвай владеет этой территорией, о которой идет вопрос, и его желание не уступить ее — тоже справедливое. Что же тогда делать? В данном случае ответ легок: в Ибероамериканских Соединенных Штатах такой конфликт был бы невозможен, но без этих Соединенных Штатов этот конфликт в сущности неразрешим.

И то, что приложимо к малому, для

этого куска почти диких лесов, приложимо также и к большому и во всех вопросах: к польскому коридору (случай похожий на боливияно - парагвайский); к Манчжурии и к Панаме; к Индии или к Марокко.

Все эти вопросы — неразрешимые в мире, разделенном на нации, в объединенном мире даже не существовали бы.

Нужно бороться за мировое единение: это единственное решение, которое нам остается в этом мире, который оказался маленьким, благодаря технике сношений. Оно разрешит много вопросов, среди них и вопрос о войне.

Но несчастен тот, кто хочет бороться за всеобщий мир, но не хочет административного единства мира.

Ибо нет никакой пользы от резанния веток, когда нужно вырвать с корнем вредную траву. А если этого не хотят сделать, то нечего удивляться, что жатва потеряется.

Вполне правильно заканчивает доктор Ласарте свою книгу пожеланием свободной федерации народов Америки. Но и этого недостаточно: мы должны добиться всемирной федерации.

ГЕОРГ НИКОЛАИ.

ЭНРИКО МАЛАТЕСТА.

СИНДИКАЛИЗМ и АНАРХИЗМ.

("Umanita Nova" №82 от 6 IV 1922).

Совершенно неправильно утверждение синдикалистов, что современные рабочие организации могут служить первыми ячейками будущего общества, облегчая переход от буржуазного строя к обществу равных.

Эта идея имела успех среди членов Первого Интернационала; и, если мне не изменяет память, еще в статьях Бакунина можно найти мысль, что новое общество возникает в результате вхождения всех рабочих в секции Интернационала.

Строение современных рабочих организаций соответствует нынешним условиям экономической жизни, сложившимся в результате исторического развития капиталистического общества. И новое общество не может возникнуть иначе, как путем разрушения всего старого строя и создания совершенно новых организаций, отвечающих новым общественным условиям и преследующих новые задачи.

В настоящее время рабочие объединяются по своей профессии или по отраслям промышленности, в которой они должны вести борьбу с капиталистами, или по месту службы, с которым они связаны. Зачем нужны будут эти группировки когда не будет ни хозяев, ни коммерческих отношений, ни доброй части профессий и отраслей промышленности современного общества? Зачем нужны будут организации рабочих, занятых в каменоломнях Каррары, (где ломают мрамор), когда эти каменоломы пойдут обрабатывать землю и производить продукты питания, бросив работу на выделке памятников и постройке дворцов?

Конечно, рабочие организации, особенно в их кооперативных формах, (которые с другой стороны в условиях капиталистического режима, вырывая почву из-под ног рабочей борьбы) могут служить средством развития в рабочих технических знаний и административного опыта, но во время революции должны исчезнуть и за-

мениться новыми народными объединениями, соответствующими изменившимся обстоятельствам. И задачи революционеров состоят в том, чтобы воспрепятствовать развитию в них идеологии, представляющей опасность для перестройки общественных организаций применительно к новым общественным потребностям.

По моему мнению рабочее движение является тем средством, которое следует использовать для поднятия и воспитания масс. Но оно является таким средством, которое представляет в то же время свои неудобства и опасности. И мы, анархисты, должны действовать в том направлении, чтобы нейтрализовать неудобства, оградить от опасностей и использовать возможно больше для наших целей.

Мы вовсе не хотим этим сказать, как нам часто приписывают наши противники, что рабочее движение должно стать орудием в руках нашей партии. Понятно, мы были бы довольны, если бы все рабочие и даже все люди вообще стали анархистами — это крайний предел, который имеет в виду всякая пропаганда: но тогда анархия стала бы фактом и нам не о чем было бы беспокоиться.

При современных условиях мы стремимся только к тому, чтобы рабочее движение было открыто для идейного воздействия разных групп и направлений и развивалось бы свободно без преобладания какой-либо одной партии, хотя бы и нашей.

Для нас имеет огромное значение уже одно то, что рабочий класс стремится завоевать те или иные улучшения путем прямой борьбы против власти и капитала, но, конечно, не сами по себе эти улучшения.

Мелкие улучшения, добытые собственной силой, по своим моральным последствиям ценнее тех крупных реформ, которые могли бы дать господствующие классы с коварной целью упрочения своего благополучия.

Первая встреча с П. А. Кропоткиным.

(Доклад, прочитанный в «Исторической Секции Дома Печати» в Москве, в годовщину смерти П. А. Кропоткина).

Почти пятьдесят лет тому назад, именно ранней весной 1872 г., я впервые встретился с П. А. Кропоткиным в Швейцарии, в Цюрихе, у его родственницы Софьи Николаевны Лавровой, однофамилицы известного революционера, ученого философа Петра Лавровича Лаврова.

С осени 1869 г. в местном университете и в Федеральном политехникуме слушали лекции несколько русских студентов и студентов. В университете женщины, исключительно только русские, занимались на медицинском факультете, и их было семь студенток, а студентов было человек пять, из коих одни слушали лекции в политехникуме, а другие еще только готовились к поступлению в него. И те, и другие жили довольно дружно в это время и составляли одну общую колонию. Довольно часто, по крайней мере раз в неделю, собирались все вместе в чьей-нибудь квартире. Собрания эти всегда были очень оживленные, на них всегда обсуждались какие-либо общественные вопросы или же что-либо читалось по тем же вопросам.

Время тогда было очень интересное: война франко-прусская, падение Наполеоновской империи, провозглашение французской республики, революционные события на юге Франции, провозглашение Коммуны в Лионе, поражение и пленение французских армий, осада Парижа, революционные попытки там, версальский мир, революция 18-го марта, провозглашение Коммуны в Париже, гражданская война, падение Коммуны.

Все эти события произошли за время с конца июля 1870 года по июнь 1871г., т.е. почти на протяжении одного года. Тогда же всю нашу группу чрезвычайно интересовала Интернациональная Ассоциация Рабочих, проще говоря, Интернацио-

нал, который к этому времени достиг высшей точки своего развития и в состав которого входили рабочие Англии, Бельгии, Германии, Италии, Испании, Франции, Швейцарии и других стран.

Лично я принадлежал к одной из секций Интернационала, находился в близких отношениях с некоторыми видными деятелями его, благодаря чему почти всегда знал, что там делается, где и какие происходят местные рабочие конгрессы, стачки, забастовки, какая издается литература и т. д. Всем этим я пользовался и держал свой кружок, таким образом, в курсе деятельности и жизни Интернационала.

Среди Интернационала тогда уже резко обозначались два течения или, вернее, две партии: одна — государственники-централисты с Марксом во главе, а другая — антигосударственники — федералисты с Бакунным во главе. Первая партия опиралась главным образом на немецкий пролетариат, а вторая — на пролетариат романских народов. Государственники, т.е. Маркс, имели в своих руках Генеральный Совет Интернационала.

В Швейцарии со второй половины семидесятого года центром первых, т.е. государственников, была Женева, а главным местопребыванием антигосударственников (анархистов) была Юра (Шодерфон, Локль, Совилье, Сентимье). Во всех этих местах процветала часовая индустрия.

Таким образом в нашем кружке, так сказать, отражалась чуть не вся революционная деятельность, чуть не все революционные события тогдашней Европы. Петр Алексеевич Кропоткин очень хорошо знал, благодаря своей родственнице Соф. Ник. Лавровой, о существовании нашего кружка, о его характере, о том, что у нас есть небольшая библиотека, в которой собрано было очень много революционной литературы не только данного времени, но кое-что по части революционных движе-

ний прошедшего, по социализму, по современной истории и т. д. Вот поэтому то он и направился к нам, когда задумал узнать, что такое Интернационал, о котором, начиная с Базельского конгресса, а особенно после Коммуны, так много говорилось и писалось в буржуазном обществе и прессе главных государств Европы.

«Уже много лет мне страстно хотелось изучить все касающееся Интернационала. Русские газеты часто упоминали о нем, но им не разрешалось писать ни о целях, ни о деятельности Международного Союза Рабочих. Я догадывался, что это должно быть великое движение, имеющее богатое будущее; но я не мог хорошо уловить его цели. Теперь, в Швейцарии, я решил найти ответ на все мои вопросы», — так говорит П. А. Кропоткин в своей книге «Записки революционера» (стр. 208. Издание «Голос Труда», 1920 г.).

При первой же встрече моей с Петром Алексеевичем в квартире его родственницы, Софьи Николаевны Лавровой, он тотчас же обратился ко мне с целым рядом вопросов об Интернационале, Парижской Коммуне. Первый вечер прошел в довольно беспорядочных разговорах: его интересовала Западная Европа, а нас — Восточная Россия! Ему, повидимому, очень хотелось скорее получить ответы на беспокоившие его вопросы. Во всех наших разговорах как в этот вечер, так и в последующие большое участие принимали вышеупомянутая С. Н. Лаврова, а так же Надежда Николаевна Смецкая — обе последовательницы Бакунина, анархистки и крупные личности. В конце вечера, однако, было решено вести некоторый порядок в наши беседы. Тогда же Лаврова и ее сожительница Смецкая наделили Петра Алексеевича соответственной литературой, имевшейся у них под руками.

В то время в Цюрихе, кроме нашего кружка, никаких секций Интернационала не было; в 1870 году существовала еще так называемая «дикая секция» во главе с Грейлихом, примыкавшая к Интернационалу; число ее членов было нич-

тожное, — 4-5 человек, и она к концу года совсем замерла. Из организаций, враждебных Интернационалу, были патристическое общество «Грютли», состоявшее из швейцарских рабочих, ремесленников и мелких буржуа, и о-во строительных рабочих, исключительно из немцев.

В течение последующих вечеров наши беседы велись более систематично, более порядочно. Ко всем нашим рассказам и сообщениям он относился очень внимательно, очень вдумчиво и бывало так, что, придя на другой вечер, он снова возвращался к тем же вопросам, о которых говорилось накануне. Все показывало, что он тщательно изучает предмет, критически относится к нашим словам. В виду такого горячего, упорного, настойчивого желания его основательно изучить и знать, задачи, цель, деятельность Интернационала во всем его объеме и со всех сторон, советовали ему съездить в главные центры рабочих - интернационалистов: в Юру и в Женеву. В Юре были сосредоточены последователи Бакунина, так называемая Юрская федерация, антигосударственники, а в Женеве — последователи Маркса, госу-дарственники.

«Чем больше я читал, тем сильнее я убеждался, что передо мною новый для меня мир, совершенно неизвестный ученым авторам социологических теорий. Мир этот я мог изучить, только поживши среди рабочего Интернационала и присматриваясь к его повседневной жизни. Поэтому я решил посвятить такому изучению дватри месяца. Мои русские знакомые одобрили мой план, и после нескольких дней, проведенных в Цюрихе, я отправился в Женеву, которая была тогда крупным центром Интернационала» (стр. 213, «Записки революционера»).

Вызвавши из нас все, что только было возможно и что мы могли ему дать, и заручившись у нас кое-какими указаниями и адресами он отправился сначала в Женеву, где тотчас же по приезде познакомился с местными вожаками Интернационала: Утиным Николаем, Гросселем, Пер-

ре и др. Деятельность их, а также цели и стремления их произвели на него далеко не благоприятное впечатление, о чем он рассказывает в своих «Записках революционера»; основательно ознакомившись с Женевой, он уехал в Нейшатель, откуда очень скоро перебрался в Юру и поселился там среди рабочих - часовщиков.

На возвратном пути в Россию Кропоткин остановился в Цюрихе, но, к сожалению, я его не мог видеть: — меня больного увезли на юг Франции в Монпелье. С. Н. Лаврова писала мне, что, прощаясь с ней на вокзале, он сказал ей: «я с вами и весь ваш», и просил ее передать это мне. Она потом изредка получала от него письма из России, а в то время переписка с заграницей была очень затруднительна. Царское правительство, как и всякое другое правительство, письма подвергало перлюстрации, подозрительные письма прямо задерживало. При переезде через границу всякое лицо всегда рисковало быть обысканным жандармами. Мне до сих пор памятно одно его письмо, полученное весной 1873 года по почте. Кропоткин был, как известно, ученым географом и геологом. В тогдашнем ученом мире русских геологов происходила борьба между плутонистами и непутонистами. Первые считали, что внутренность земли находится в расплавленном огненно-жидком состоянии и что главная действующая сила в разных превращениях земли — огонь, а вторые считали главным двигателем воду. И вот на этой почве борьбы он чрезвычайно остроумно и ловко изобразил нам в своем письме борьбу, происходившую тогда среди революционной молодежи: между последователями Бакунина и последователями Лаврова, — бакунистами и лавристами. У всякого постороннего человека, прочитавшего письмо, не возникало ни малейшего сомнения в его правдивости изложения борьбы ученых геологов.

Прошло сорок лет после этой нашей

взаимной встречи. Кропоткин в течение этого времени был арестован, просидел 2 года в Петропавловской крепости, бежал за границу, где успел приобрести всемирную известность, как ученый, как революционер - анархист, как глава партии анархистов. Я же в то же время, нелегально приехав в Россию в 1876 году, был тоже арестован, судим сенатом, приговорен к каторге, которую и отбыл со всеми последствиями в Сибири, и только через 21 год получил разрешение жить в России.

В 1912 году я был временно за границу и на несколько дней приезжал в Лондон, чтобы, между прочим, видиться с Кропоткиным со специальной целью издания сочинений М. А. Бакунина. Так как мне самому тогда безусловно невозможно было переехать на более или менее продолжительное время за границу, чтобы предпринять это издание, то я предложил ему взять на себя общее руководство этим предприятием и редакцию его. Он вполне одобрил весь план предстоящей работы и обещал полное свое согласие на мое предложение. Но, увы, к моему большому сожалению, ему пришлось отказаться от своего обещания в виду его болезни и необходимости окончить свое сочинение «Этика».

Конечно, мы встретились как старые друзья, но роли наши на этот раз совершенно переменялись: теперь он был в курсе всех революционных дел в Европе и он имел полную возможность и с полным знанием дела, посвящать меня во все эти дела. К сожалению, у меня было очень мало времени, потому что я тогда мог пробыть в Лондоне не больше трех дней, в течение которых едва только успел управиться со своими делами.

В 1917 году, во время нашей великой и славной революции, я виделся несколько раз с Петром Алексеевичем в Петрограде, но о его жизни в России за это время могут рассказать другие, более компетентные лица, чем я.

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ ВЛАСТЬ?

Разумеется, власть держится на силе. В чем же заключается сила? На чем она зиждется?

Она заключается в превосходстве властвующих над подчиненными. Превосходство это исходит из хитрости и основано на грубой физической силе. Надо, например, немного ума для того, чтобы огреть колом по голове самого умнейшего. Тут нужна простая безсовестность и безсердечность, низкий духовный уровень, тупость, озлобленность и ненависть, граничащая с фантазиями. Все эти данные порождают отчаяние и отчаянность, выражающиеся в разного рода насилиях.

Понятно, одним сплошным насилием долго жить нельзя. Ибо если выдержат нервы постоянного насильника и угнетателя, то, в конце-концов, может лопнуть терпение эксплуатируемого, который, несмотря на всю свою неалобивость и миролюбие, может возмутиться и в сердцах огреть по башке своего господина - властителя. Так что, грубая физическая сила — лишь один из видов превосходства властвующих.

Власть зиждется еще и на добровольном подчинении большего или меньшего количества людей — с одной стороны, а с другой — на запуганности, неорганизованности и, главным образом, распыленности подчиненных. Объединенные усилия, направленные к какой-нибудь цели, составляют силу. И чем больше объединено на этой почве людей, тем могущественнее эта сила. А так как цели у людей не всегда одни и те же, а различны и разные, то и всякая сила — вещь относительная.

Если, скажем, сегодня при общем сдвиге цели объединившихся людей достигнуты или считаются достигнутыми, то на завтра сила эта перестает существовать в своей первоначальной мощности, потому что у многих из них появляются на другой день совершенно ИНЫЕ цели и стремления. Остаются и составляют еще силу лишь те, которые считают по-

ставленные цели не осуществленными и не достигнутыми. Так бывает во время политических переворотов и революций.

Те, которые управляют, остаются в меньшинстве и уж, несомненно, преследуют свои личные цели, потому что они не только применяют насилие к иным, но и жестоко расправляются с ними. В этом случае борьба идет между хорошо организованной и вооруженной частью дисциплинированных войск или правительственных агентов, защищающих свое положение правителей и диктаторов, — с одной стороны и противящимися произволу держиморд распыленными одиночками-протестантами — с другой. Борьба, конечно, неравная, но и не решительная, так как остается в запасе громадная по своему количеству индифферентная масса общества, безразлично смотрящая или совсем не интересующаяся происходящей неравной борьбой. Ее симпатии и антипатии являются балансом. Властвующие творят свое гнусное дело там, где индифферентная масса глядит на творящуюся несправедливость сквозь пальцы. Но как только безразличные массы народа начинают проявлять свои симпатии к невинно страдающим и угнетенным, тогда властелины умеряют свою ретивость. Если же безразличные до того массы начинают возмущаться, принимая на свой счет угрозы властелинов, и если негодование их само собой, без всякого уговора, складывается в цель, соединяющую их всех невидимой нитью, — тогда дотоле сильная власть падает. А наводившие ужас и страх на мирных жителей, вооруженные до зубов правительственные агенты становятся ничтожными. И если они не успевают куда-нибудь спрятаться в укромные места или выехать туда, где их не знают, тогда они уничтожаются разгневанными массами.

Как только цели эти (позвержение ненавистного режима) достигнуты или считаются достигнутыми, народ успокаивает-

СТИХИЙНОСТЬ В РЕВОЛЮЦИИ.

I.

В последнее время, особенно после Русской Революции, в анархической среде был выдвинут лозунг организованного движения. Нужно иметь в виду, что дело идет не об организации анархического движения, против чего мы не позволили бы себе возражать, а о взятии руководства над революционным движением, об организации его вне анархического движения. Мы, вероятно, не ошибемся, если источником его будем считать русское анархическое движение и, по преимуществу, анархо-синдикалистское. Во всяком случае, существенную аргументацию оно черпает из русского революционного опыта. Для иллюстрации этого направления мог бы послужить, может быть, один случай, происшедший в Харькове.

В период революции, украинское анархическое движение было наиболее сильным и активным движением в России, и

сила, двигавшая горами, опять распыляется до следующего возмущения. И так повторяется из рода в род, так чередуется из века в век, от одной революции к другой, ибо наивные люди и простодушный народ верит пока что в добрые начала властителей. Он верит до тех пор, пока воочию не убедится в своем жестоком заблуждении.

Чтобы заблуждение это не повторялось из рода в род, народу пора, наконец, понять, что «никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой, — добьемся мы освобождения своею собственной рукой». Освобождение от политического гнета и экономического рабства достигается собственными силами всех трудящихся.

Надо человеческому обществу самому управляться, а не быть повинующимся стадом баранов в руках ловких проходивцев или пассивными зрителями в борьбе угнетенных с угнетателями.

МАРК СТЕПНОЙ.

Влияние его на массы было наиболее решительно, чем в других местах. Однажды, в секретариат анархической федерации явилась делегация красноармейцев и заявила, что делегировавшие их части всецело разделяют анархические идеи; они имеют достаточную силу, чтобы произвести переворот и передать власть в руки анархистов. Харьковские товарищи, в частности т. Волин, должны были объяснить им, что анархисты вообще против власти и что не переворот, а восстание непосредственно самих масс с их собственной инициативой в организации новой жизни на безвластных началах может осуществить те идеи, которые они проповедают.

Этот случай вызвал усиленные споры в анархической среде и харьковских товарищей именно обвиняли в том, что они должны были взять, допустим — не власть, а руководство в свои руки. Для нас здесь факт власти налицо и совершенно аналогичный большевистскому приему. Этот случай мог бы быть, по нашему мнению, классическим и, если угодно, школьным примером различия анархизма от авторитарного социализма. Утверждалось, что захватив руководство, мы могли бы создать общественные формы, соответствующие нашим идеалам. Здесь, очевидно, не только существенное изменение традиционного анархического взгляда, что свобода не декретируется, не приходит сверху, но и вообще переход из области науки в область политики, которая, нужно отметить, не всегда достаточно ясно отличалась. В данном случае наиболее ярким защитником научной концепции был Кропоткин, пытавшийся связать анархизм с развитием научной мысли.

Но нам важно сейчас не это, а аргументация, русская аргументация в защиту указанного выше направления. Утверждается обыкновенно, что все революционное движение носило ярко-анархический

характер и что только благодаря отсутствию у анархистов достаточной силы, благодаря их распыленности и нерешительности в сторону возглавления, взятия движения в свои руки, именно, боязнь испортить чистоту риз анархических, позволили большевикам захватить все в свои руки.

Характерно, что искания в этом направлении приводили к весьма курьезным результатам. Всем известно, что была сделана попытка организации партии и выработка соответствующих этим взглядам программ, вроде недавнего «платформизма», увлекшего, как известно, автора целиком из анархических установок. Но наиболее, может быть, интересной была пропаганда за организацию военных отрядов (нечто вроде «военобуча»), исходя из тех же соображений, что, как показала революция, придется иметь серьезное столкновение с контр - революцией и большевиками, под влиянием этого, должны были перейти от добровольческих отрядов к организации армии. Защита ее сводилась, в общем, к восторженным восхвалениям доблести красной армии. В «Платформе» это, как известно, вылилось в определенный проект организации настоящей армии. Таким образом, наиболее, казалось бы, бесспорное положение анархизма, как отрицание армии, было разрушено русским опытом. Здесь не только бросается в глаза, говоря грубо, отсутствие самых элементарных представлений об анархизме, но и вообще, мы бы сказали, об обществе, т. е. всего того, что входит в категорию учений об обществе.

Но самое болезненное для анархической мысли здесь не само это положение, как взгляд авторов, авторов - анархистов на революцию, метод исследования, изучения революционной стихии, анархического свидетельства о революции. Трудно признать, что так легко и незаметно могли пройти и бакунинские восторженные указания на силу и значение бунта и восстания и специальные исследования Кропот-

кина в «Истории Французской Революции» о роли и силе массового движения в революции и ее действительной способности в боевом и организационном смысле. Казалось бы, автоматически взор анархистов должен был обратиться в эту сторону и искать этих совершенно необходимых для анархизма источников и стать их естественными защитниками, присяжными защитниками этой самостоятельной стихии.

Увы! Действительность показала совершенно иное. Многие анархисты больше проявили склонности видеть истинное движение на стороне большевизма, отрицая все остальное, относя его к категории бандитизма, к стихии, способствующей контр - революции. И эта точка зрения далеко не остановилась только на массовом стихийном движении, но и анархическое движение подводилось под ту же категорию «бандитизма». Волна была сильна. И если у одних она выразилась в совершенно невинных проектах «военобуча», то многие определенно встали против этого движения, оказавшись во взгляде на стихию в революции совершенно согласными с большевиками.

Это движение не ограничилось той категорией анархистов, которые перешли впоследствии окончательно к большевикам, но захватили и наших, так называемых, анархо - синдикалистов, которые находятся сейчас в международном анархо-синдикалистском движении. Мы не будем вдаваться здесь в рассмотрение вопроса, является ли эта точка зрения (повторяем еще раз, что это не больше, как разновидность, вариант все того же основного положения — партийного руководства, или как угодно его назовите, над массовым движением), неотъемлемой сущностью анархо-синдикализма (мы считаем, что — да), но что она существовала в анархо - синдикалистском движении, — мы это знаем по испанскому взгляду. Испанские товарищи, анархо - синдикалисты, именно считали, что они могут и должны руководить движением. По нашему глубокому

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

ПИСЬМО ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА

В Буэнос-Айресе, в сентябре 1934 года, состоится Интернациональный Евхаристический съезд, в подготовке которого принимают активное участие самые видные политические деятели Аргентины: губернаторы, министры во главе с президентом Хусто, он-же избран председателем вышеуказанного съезда. Задачи и цели этого съезда, как мы увидим ниже, — борьба против прогресса, свободы и справедливости. Клерикалы всего мира ясно видят, как почва, которая так сладко питала соками их, ускользает из-под ног, и сознают, какая опасность грозит их привилегированному положению со стороны не только революционных сил, но и либеральных и атеистических.

Следовательно, клерикалы съезжаются для того, чтобы изучить новые методы борьбы против состоящих прогрессивных элементов, которые современем окончательно разрушат их вековую привилегию, основанную на религиозной догме и невежестве народных масс.

Не менее важной задачей клерикального съезда является еще следующее: требовать от своих правительств включения религии в начальное школьное образование, чтобы, таким образом, дать возможность клерикалам свободно развивать религиозную пропаганду среди учащих детей, своей фальшивой догмой калечить детское умственное и душевное состояние.

Почему же клерикалы для своего съезда именно избрали Аргентину?

Убеждению, это был бы переворот, который принес бы власть в руки анархистов, но это не была бы социальная революция, положившая начало анархическому обществу.

(Продолжение следует).

МУРОМЕЦ.

А очень просто: клерикалы прекрасно знают, что Аргентина является умственным центром среди южно-американских национальностей, и что среди здешнего местного населения еще найдется множество ярых последователей и защитников религии. Поэтому, клерикалы и намерены сконцентрировать все свои силы для того, чтобы дать первоначальный толчок в Аргентине, который впоследствии распространится по всему континенту.

После договора, заключенного между папой римским и Муссолини, фашизм и клерикализм, как два родные брата, идут рука об руку. Клерикалам нужно государство для расширения своих привилегий. Им нужно также воспользоваться недовольством народных масс, вызванным кризисом, бедностью, безработицей и т. д. для того, чтобы от капиталистов получить хорошее вознаграждение за свое затемнение, которым они сумели подчинить и поработить массу. Клерикалы нуждаются в фашизме, а фашизм в клерикализме.

Правительство предложило парламенту, чтобы прибывающие на съезд попы и богословы были избавлены от всяких таможенных пошлин и затруднений. Вся фашистская печать ведет интенсивную пропаганду в пользу этого съезда. Промышленники и фашисты, отказывающиеся повысить жалованье своим рабочим, жертвуют огромные суммы денег на эту кампанию. Поэтому, всем сознательным рабочим, студентам, культурно-просветительным организациям и другим научным кругам надо организовать широкое популярное движение протеста против подготовляемого клерикалами совместно с правительством евхаристического съезда. Пусть попытка клерикальной пропаганды обратится во всеобщую агитацию против их же, как самих заклятых врагов науки и прогресса.

А. КУНИЦА.

ПИСЬМО СОЛДАТА

НЕИЗВЕСТНЫЙ МНЕ МОРСКОЙ
МИНИСТР

Не знаю, кто это сказал, но он был вполне прав, что сопротивляться насильно есть обязанность каждой личности. А я добавлю: если насилие есть право более сильных, то сопротивление есть единственный аргумент более активных.

Я, Сандадо Гарсия, известный под ложным именем Сергей Чавес, моряк аргентинского флота, №3092 по военной записи считающий за собою 5 месяцев пребывания во флоте, отказываюсь продолжать службу в ваших рядах и дезертирую, потому что считаю, что служить на военной службе означает:

1) Быть паразитом тех, кто производит;

2) Не делать ничего полезного для других людей;

3) Потому что милитаризм крайне противен моей совести. Моя совесть ясно указывает, что солдат не служит для защиты ложного отечества профессиональных патриотов, а смеси институций, которые поддерживают эксплуатацию человека человеком. И, что для этих патриотов, отечество это — государство, в то время как для меня мое отечество это вся земля, на которой люди живут, работают и любят друг друга;

4) Потому, что я предпочитаю жить свободно, хотя и голодно, чем прозябать в жиру и быть рабом, и потому, что нет никакого закона, который мог бы меня обязать делать то, что мне противно. Мне противно быть солдатом, т.е. чьимнибудь инструментом.

Для отечества, повторяю, работают любя, производя и страдая, а не подчиняясь как кукла, оскорбляя своих ближних, и отрекаясь от чувства человеческого братства во имя какогонибудь знамени, или интересов какихнибудь безвестных господ, которые не могут сговориться, или не хотят сговориться между собой. Не

так ли это, господин министр?

5) Потому, что моя армия не — ваша. Потому, что не дети соседнего народа, не дети народов других континентов враги человека, а те, кто эксплуатируют, угнетают и убивают этих детей народа, т.е. власть имущие, владеющие общественными богатствами, государственные инструменты этих власть имущих, высшее начальство, а между этим, вы это хорошо знаете, нет различия национального. Аргентинский капиталист так же безчеловечен, как всемогущий финансист Китая, или Соединенных Штатов, а рабочий или солдат моей страны такая же жертва власти и капитала, как рабочий свободной Франции или любого другого уголка мира.

Моя настоящая армия — другая: армия бедных, обездоленных, эксплуатируемых, страдающих; и я верю, господин министр, что мои вчерашние товарищи, молодёжь аргентинского войска, которые до сих пор не брали оружия в руки, как только для того, чтобы почистить его, из чести и достоинства своего, возьмет его в руки только один раз, но против буржуазии, против государства, против тиранов и в защиту социальной Революции. Тогда я опять буду в рядах с моими товарищами, потому что тогда моя армия будет армией социальной революции. И позвольте мне перефразировать слова Марио Морепо, сказать моим товарищам по угнетению: «Ни один аргентинский солдат, ни какой бы то ни было другой страны, ни пьяный, ни сонный, если он — человек, а не дикий зверь, не поднимет своего оружия против своих братьев, детей народа. Потому что ни один солдат не захочет быть Канном своих братьев в социальной революции.

6) Потому, что я не могу выполнять железной и варварской дисциплины, которую от меня требуют, ибо выполнять ее было бы моей моральной смертью. А помимо этого, эти два года, которые должны были пройти в качестве бесполезно-

го человека, в ваших рядах, я могу их употребить на дело более продуктивное и более достойное и, главным образом, более человеческое. Например, на два года работы и борьбы за исчезновение милитаризма.

7) Потому, что я становлюсь более достойным, когда я нахожусь среди тех, кого я люблю, и, наконец, потому что свободу не просят: ее берут и защищают даже зубами, если это необходимо. Из этих соображений, и так как я считаю, что войско это остаток примитивных шаек, обученных и всегда готовых к нападению на соседние общины с единственной целью завоевания ее, или из за желания власти и преимуществ, а не институт национальной защиты, как это претендуют професиналы от патриотизма; потому что... знайте это, господин министр, не солдаты и жители соседней страны суть враги моей страны, моего народа и также моего отечества. Настоящие враги их находятся в границах моей страны: это плкие граждане, которые осеут кровь из отечества и над ним издеваются, его грязнят и бесчестят, будь это захватывая власть, будь это эксплуатируя производителей и что еще хуже, обманывая людей из политических лжеговоролок, маскируясь вождями и проповедниками великого освобождения человечества.

Исходя из этих соображений, я дезертирую, а также потому, что я молод, а против молодости ничего не смогут поделаться, господин министр, ни ваши приказы, ни ваши декреты, ни даже ваши пушки.

С пожеланием войску и флоту этого народа занять место достойное, смелое и передовое в великой освободительной армии Социальной Революции, которая вскорости разрушит навсегда полуразрушенную крепость несправедливости, неравенства и угнетения капиталистического общества, остаюсь,

Сергей Чавес.

(С испанского).

Анатолий Горелик.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЭНРИКО МАЛАТЕСТА. Крестьянские Речи. Издание Рабочего Вспомогательного Общества гор. Балтимор, Мд. 1924 г. стр. 47. Цена 20 центов 1).

Судьба книг кажется нам иногда такою же странной, как и судьба людей. Многие книги рождаются только для того, чтобы жить несколько мгновений и отойти безвозвратно «в царство великого безмолвия», в царство жестокой и неумолимой смерти. На долю же других книг выпадает счастье иное: они не подвержены болезни и старости, они живут по ту сторону времени и пространства, они не знают смерти.

К числу этих книг относятся и труды Э. Малатесты, имя которого пользуется среди анархистов такою же популярностью, как имя Бакунина и Кропоткина. У Малатесты нет ни одной книги, которую можно было бы назвать скучной, не интересной и утомительной. Наоборот, всякая строка, написанная Малатестой, является жемчужиной, нитью самых глубоких мыслей, самых живых и выразительных слов.

Величайшая ценность книг Малатесты заключается в том, что на их страницах самые злободневные житейские вопросы, но и вопросы самые сложные, которые встают перед нами при всякой теоретической попытке разрешения тех или иных социальных проблем.

«Крестьянские речи» заслуживают самого широкого распространения не только среди крестьян и рабочих, но и среди тех лиц, которые привыкли читать книги более ученые и серьезные. Эта книжка является не только критикой современного общества, но вместе с тем и обстоятельным изложением анархического учения. Очень ценной она является еще и в том отношении, что в ней мы находим

1) «Крестьянские Речи» сейчас продаются по 10 сентов. Все группы, союзы и отдельные товарищи, желающих распространять брошюру, просят обращаться по адресу «Пробуждения».

ответы на самые разнообразные «сложные» и «сомнительные» вопросы, с которыми приходится очень часто сталкиваться анархистам. К числу этих вопросов относятся следующие: тяжелый труд, умственный труд, грязная работа, желание жить не работая и т. д.

Книжка написана в форме диалога; благодаря этому она читается с большим интересом. Прочитав первые ее страницы, не хочется закрывать эту книжку, не прочитав ее до конца.

Эта книжка снабжена предисловием А. Борового и очень интересной статьей П. Кропоткина «Все социалисты».

БИБЛИОФИЛ.

КОНФЕРЕНЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ И КАНАДСКИХ АНАРХИСТОВ

По инициативе американского журнала «Фридом», созывается конференция американских и канадских анархистов всех национальностей, которая состоится в воскресенье, 11 и 12 августа, в Феррер Колонии, Стелтон, Н. Дж.

Комитет по созыву конференции в разосланном группам письме предлагает принимать участие в таковой посредством посланки делегатов, а в случае невозможности сделать это, — прислать информации относительно деятельности группы или организации.

Конференции желательно иметь следующие сведения:

1. Какие анархические силы имеются в вашей местности?

2. Имеется ли возможность реорганизации существующих ныне групп и создания новых?

3. Какие, по вашему мнению, методы пропаганды являются самыми подходящими с целью увеличения численности вашей группы или организации?

4. До какой степени конференция может рассчитывать на ваше содействие?

На конференции будут обсуждаться следующие вопросы:

1. Пути и средства создания сильного анархического движения на английском языке: а) Федерация английских анархических групп, б) Организаторы.

2. Анархическая позиция в рабочем движении.

3. Наше отношение к фермеру и сельскохозяйственным рабочим.

4. Наше отношение к специалистам в промышленности.

5. Школьное воспитание детей.

6. Организация молодежи.

7. Кооперативное движение.

8. Анархическая печать:

а. Периодические издания,

б. Другая литература.

В случае непосылки делегата на конференцию, просьба прислать рекомендации заблаговременно по адресу:

CONFERENCE COMMITTEE

c/o Freedom

P.O. Box 111, Station Q,

New York, N. Y.

РАЧЕСТЕР, Н. И.

На последнем собрании группы «Свобода», после разбора резолюций конференции групп «Пробуждение», были приняты следующие рекомендации:

1) О журнале «Пробуждение».

Изменить подзаголовок в

ОРГАН РУССКИХ АНАРХИСТОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Оживить его содержанием введением новых отделов и помещением в каждом номере передовой статьи.

2) О раз'ездном лекторе.

Предложить тов. Л. взять на себя в начале осени работу по объезду групп и организаций с лекционной целью.

3) Об издании анархической литературы.

Как только материальное положение федерации групп «Пробуждения» улучшится, приступить к изданию имеющегося материала для брошюры по теории и ревизии анархизма.

4) О журнале «Дело Труда».

Хаотическое направление этого журнала во многом расходится с основными принципами анархизма. На критические выпады «Д. Т.» против «Пробуждения» отвечать разоблачительными статьями.

Секретарь группы

Л. Лазарев.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.